

СМЕНА

№ 10 МАР 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

САННЫЙ СПОРТ—
ДЕБЮТАНТ
ЗИМНЕЙ
СПАРТАКИАДЫ.

ВЫШЕ

С Героем Социалистического Труда
бригадиром электростанции
завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова
Вячеславом Васильевичем ПАЙЦИКОВЫМ
беседует специальный корреспондент «Смены»
Эдуард ДОЛОТ

Среди ярких явлений, которые приносят к нашей жизни третий, решающий год пятилетия, одно из самых интересных — почти молодое «Красное Сормово», где найдена эффективная форма организации социалистического соревнования. Почти уже приобрела всеобщую известность, он одобрен VIII Пленумом ЦК ВКП(б), нашел многочисленные последователи.

Напомним читателям, что речь идет о молодых рабочих и комсомольско-молодежных коллективах, которые поставили перед собой цель — за 3,5 года добиться производимости труда, замалкированной на конец пятилетия. Во главе движения стоит заводская «Штаб ударной работы»; начальники штабов — В. В. Пайциков, Герой Социалистического Труда, прославленный электростанционер, бригада которого опережает пятилетнее задание более чем на год.

О том, как «возник ударный отряд десятка пятилетки», рассказали на страницах нашего журнала заведующий отделом обкома партии И. Леонин и секретарь комитета комсомола завода «Красное Сормово» В. Лысичин («Смена» 16 за 1973 год). Продолжая начатый разговор, мы беседуем с Героем Социалистического Труда Вячеславом Васильевичем Пайциковым.

— Если не возражаете, Вячеслав Васильевич, хотелось бы прежде всего еще разок вернуться к истокам. В чем принципиальная новизна «ударного отряда»? Ведь ударничество — явление давнее, ему, как и социалистическому соревнованию, уже несколько десятилетий. Переплюньте нормы, борьба за экономию и повышение производительности труда — в этом тоже, кажется, нет ничего нового. Что изменилось от того, что ударник стал называть себя членом «ударного отряда»?

— Разумеется, дело не только в названии, хотя, впрочем, и название новое родилось отнюдь не случайно. В нем была потребность. Ударник — слово обобщающее, собирательное, смысл его весьма широк. Между тем ударничество чем старше, тем становится сложнее, и надо бы его как-

то дифференцировать. Вот, к примеру, работают рядом двое: один выполняет норму на 180, другой — на 195 процентов. Очевидно же, что уровень мастера отнюдь не одинаков, но название общее — ударник. Сама жизнь подсказывает, что система организации социалистического соревнования должна предусматривать какую-то иерархию формальных отрядов, как-то ступенчатую.

— Но ведь существует иерархия квалификационных разрядов. Кроме того, есть «кассета» образования: непонимое среднее, среднее, среднее специальное. Казалось бы, ступенек вполне достаточно.

— Профессиональный уровень и уровень образования вовсе не обязательно определяют уровень трудовой активности. Тут разные единицы измерения. У иного, к примеру, разряд высокий, а дисциплина, как говорится, на обе ноги хромает. Нам еще разве мы не встречали дипломованных летчиков, которые норовят половить рабочего дня в куралке проследить А с другой стороны, мы слышим и рядом наблюдаем, что в числе производящих конкурентов друг оказывается человек молодой, сравнительно неопытный, но зато полный энергии и задора. Вот, скажем, Виктор Модин — мы с ним одно и то же профессурашное кончал (ПТУ-5, основной поставщик кадров для нашего завода), только я там учился лет на двадцать раньше. Ему 22 года. Токарь в механосборочном цехе 3-й квалификационный разряд (на 44) он только еще готовится сдать соответствующий экзамен). Как видите, ступенька по профессиональному суету невысокая, да вершины мастерства пока далека. Но на той сравнительно несложной операции (обточка валков для двигателя), которая ему поручена, Виктор сумел добиться отличных результатов. Норму он отстояно перешиповывает, качество продукции безукоризненное. Социалистическое обязательство взял: пятилетку — за 4,5 года.

И похоже, что немножко перестаруховался, поспрочничал; он уже сейчас опережает заданное более чем на шесть месяцев. Ему приписано звание «Лучший молодой рабочий по профессии».

— Итак, лучший по профессии может и не быть лучшим по квалифи-

кации? Согласитесь, это как-то странно...

— Ничего тут нет странного. Профессиональные биографии индивидуальны: каждый растет и развивается по-своему. В чем-то опережает остальных, в каком-то держится на среднем уровне, а в чем-то, возможно, и отстает.

— Это зависит от свойств характера? От способностей?

— И от способностей. И от обстоятельств. От многих причин... Расскажу еще об одном парне. Анатолий Барыбанов, 27 лет, доблестный инструментальщик. Работает великолепно: полторы-две нормы за смену — его норма. Обязательство: пятилетку — за четыре года, но сейчас ясно, что улетитесь в три с половиной. А что в науках продвигается немедленно. Правда, и начал с малого: в армию ушелся всего-то с шестью классами. Когда вернулся, восьмилетку успешно одолел. И снова притормозил. Очистил же семья, двое малышей, масса бытовых забот... Но, говорит, в этом году твердо решил вернуться в вечернюю школу.

Вероятно, такое решение он записал в «лучший перспективный план». Вообще, насколько я понимаю, «лучшие планы» членов «ударного отряда» представляют собой перечень намеченных рубежей, перечень обязательств...

— Не только. Ключевка «лучного перспективного плана» фиксирует и то, что уже достигнуто. Это своего рода дневник для самоконтроля. Ну, конечно, для объективного контроля тоже.

— Пусть так. Но и план, и дневник контроля мог бы иметь каждый, независимо от того, состоит ли он в «ударном отряде» или нет.

— Что ж, вообще-то, мы, наверное, правы. Однако мы исходили из соображений реальности. Можно выдать каждому рабочему плановые нормы, но всякий так сказать, имеет, чем ее выполнить. Собственно, одна из причин возникновения «ударного отряда» именно в том, что, по нашему мнению, в системе организации социалистического соревнования существовал некий недостаток. Судите сами. Основная работа у нас шла по трем направлениям. Первое — «Ня одного отстающего рядом». Это шлоство над выж-

ками, борьба за то, чтобы каждый молодой рабочий справлялся с нормой, чувствовал себя равноценным членом коллектива. Второе направление — профессиональные конкурсы за право называться «лучшим по профессии». Наконец, третья, высшая ступень — соревнование за звание ударника коммунистического труда. Совершенно очевидно, что между первой и второй ступенями разрыв слишком велик, однако как раз в этом интервале, по-видимому, и пребывает большая часть молодых рабочих. Ведь что практически получается? Вот поступил парень на завод. Не успев поначалу складываться у него удачно, не сразу освоился, не хватало навыков, опыта. На этом этапе его личный рубчик сравнительно невысок — быть не хуже других.

— Вы полагаете, что стать лучше других он и не попытается?

— Может, и попытается, но это мечта дальняя, тайная, о ней лучше помалкивать, чтобы не стать мишенью для насмешек. Но вот прошло несколько месяцев — и первые трудности позади. Рубчик встает — норму человек одолевает. Что же дальше? А дальше, оказывается, престоит состояться за звание «лучший по профессии». Не слышим ли, однако, делаем эти следующие рубчики? Только-только, можно сказать, опираясь, вышел из-под опеки, по слалам ли единоборство с чемпионом?

— А быть может, именно дерзнуть? Говорят, смелость города берет.

— Смелость, безусловно, силой и умением, берет только те города, которые плохо защищены... У нас завод большой, оснащенный по последнему слову техники, соответствующим и кадрам подходящие. Так что пробиться в число производящих очень не просто, уж поверьте. И омы только за, что молодые рабочие, добившись стабильной производительности в 105—110 процентов нормы, претерпевают некий внутренний кризис.

— Начинать хуже работать? — Не хуже, но не лучше. Перестают расти. Самоутвердиться и успокоиться: я, мол, не хуже других, так, как все, а больше моего мне и не надо. Кто смодуло свихнет с этой мыслью, тому является легко, но зато и скучно же, и полагать...

— Однако если человек не слишком честолюбив, если он скромно и скромно — прекращает участие. Но нельзя допускать, чтобы человек утратил стремление, потому что это уже не скромность, а повороты. Что бы ты ни добился, это не проблема, всегда есть новые проблемы рубежи. Вот расказываю вам про Лизу Камасу. Что она, что Дима, ее муж, — удивительного упорства люди. Работы, учебы, воспитания детей, общественной деятельности, спорт — на все у них хватает времени, все успевают. Лиза после ПТУ сначала свесла работу, училась в вечерней школе, работа уже удалась, но ни дня занятий не позволяла себе пропустить. А сейчас у них двое детей, однако это не помешало Лизе оканчивать техникум. Я знаю все тем временем заканчивает четвертый курс института. Лиза стала мастером, ей присвоено звание ударника коммунистического труда.

В своем деле она физорг. Дима несколько раз добивался победы на профессиональных конкурсах, теперь он возглавляет заводской совет новаторов. Она отличная лыжница, у него прекрасный вкус по волейболу, который — но легкой атлетике и настольному теннису, третий — по плаванию. Самолетом заставляла Лизу учиться настольному теннису, и вот она уже играет с мужем почти на равных. Основа шахматные премудрости (опытате самодельные, ни в чем не хочет отстать). В отпуске часто, привозя с собой детей, отправляется в поход по Уралу (тут уже дружинкой — любознательность)... Я говорю о предметах, вроде бы не имеющих отношения к производству, но своеобразный характер проявляется во всех сферах жизни, просто к слову привнес это наглядный пример. Человек может много, стоит только захотеть...

— Мне пришло в голову, что возможно, те, кто как вы считаете, останавливаясь в развитии, на самом деле вовсе не топтались на месте. Основные, основные усилия, основные надежды, основные ориентации в другую сферу. Учеба, техническое творчество, спорт. И наиболее желанной целью ставится уже не рост заработной за 20 или 30 процентов, а рост зрелости или, скажем, спортивных результатов.

— Что ж, бывает и так. Тем более очевидна необходимость как-то упорядочить личные планы, помочь молодому человеку скорректировать усилия, чтобы не оказался он одновременно и в голове колодези и в хвосте. Вступление в «ударный отряд» никогда не означает, что надо бороться за более высокие рубежи во всем. По всему диапазону задач, стоящих перед производством и перед каждым отдельным мелодиком производственным. Причем это движение позволяет каждому его участнику намечать посильные рубежи и подбирать примерно равного по возможностям соперника в соревновании.

— Вы говорили об иерархии в системе организации соревнования, о ступеньках... Нет ли тут формализма?

— Говить формализм в организации соревновательного соревнования стало своего рода модой. Но иногда мы, так сказать, вместе с водой выплескиваем ребенка. Учет достигнутых результатов — тоже формальность, во всяком случае, он преувеличивает какие-то формальности. Но без этого нет ни победителей, ни побежденных, и, значит, нет, но существу, смысла соревнования. Так что формальности нужны, очень нужны, только, продуманные формальности и четкие, неукоснительные их соблюдение.

— Хорошо, тогда поговорим именно о них. Мне довольно встретиться с некоторыми из членов «ударного отряда», и вот что выяснилось: не помню, когда, какого месяца и часа они вступили в отряд. По-видимому, это

могло быть ничем не отмечено, в ذلك смысле это даже не зафиксировано. — Вот тут я согласен: у нас еще довольно-много недостатков. И принимать в «ударный отряд» надо буквально, на глазах коллектива, с четким обязательством сделать плановый. И формальные отличия должны быть — удостоверение, награждение в проблеме. Правда, недавно ее удалось наконец, решить. Отныне «Штаб ударного фронта» заводской комитет комсомола составляет список тех, кто бы все правила приняла в «ударный отряд» и контроль за выполнением обязательств строго соблюдалась.

— Я видел несколько таких планов. Некоторые графы так и не заполнены... — Я же говорю, порядка не хватает. Движение в первых же шагах получило мощную поддержку молодежи, и кое-кто из цеховых комсоров немного растерялся. Новое направление работы, методика прямо на ходу наупушались... Но теперь уже есть опыт, налажен контроль — дальше пойдет ровнее.

— Еще один вопрос о «личных планах». В них есть раздел: требования ударника в администрации производственной организации, комсомольской организации. В этом разделе я всюду видел одну и ту же стандартную запись: прощу, мол, бесперебойно обеспечивать меня заготовками и инструментом. Стоило ли вводить целый раздел, чтобы получить серию зурлядных призывов к улачению материально-технического снабжения? Ведь таких «призывов» вообще, пожалуй, уже много предостаточно.

— Разумеется, в этом разделе и прежде не были призывы, а конкретные предложения. Мы исходили из того, что если на основе записанных «личных планов» придется хоть одна свежая, продуманная претензия, то, как говорится, игра стоит свеч. Ориндаем ли эти ожидания — всегда спорный. Но при всех условиях такой раздел в «личных планах», во-первых, не лишние. Он помогает привлечь молодежь к участию в управлении производством. Другое дело — что надо бы, вероятно, организовать обсуждение этого раздела «личных планов» на собраниях. Бывает ведь, что человек под настроение способен высказаться и смело, и оригинально, и умно, а записать свое мысл стесняется или не умеет.

— Последний вопрос — о методике расчета производственных трудозачетов ведется в так называемых нормочасах. Методика довольно сложная, как мне кажется. Формулы, таблицы, графики... Экономисты это, по-видимому, умеют. А кто-нибудь, кроме них?

— Все увлекает. График — табличное изображение твоего результата и пройденного пути. Каждая точка — словно шаг и направление рубежа уже не просто точка, а что-то вещное, к чему осталась только дотушиться. Человек должен видеть свою путь — и продвигая и предостережения. Он должен быть доволен сам, наоборот, недоумен скоростью, с какой шагает. Неудача — не беда, на ошибках учатся, беда — безразличие, равнодушие и неудаче, вот что я вам скажу. Соревнование за того и существует, чтобы каждый из вас ощутил задачу коллектива как свою личную — и продвигая и интерес. Тогда работа становится самой радостной частью жизни, счастливым себя чувствуешь. Мне, знаете, нечеловечески жаль, что редко удается обнаружить счастливые случаи, горемыки они... Шагал вселеле, шарившая тем, обогавший время — вот как я понимаю работу в семье. Да не я один — все мы, входящие в состав «ударного отряда» девяти пятилетки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 10 [1128]
МАЙ
1974

НАША ОБЛЮБЛЕНА: БЛАЗУРИНСКАЯ — ЕДИННАЯ ТРАССА, ПОСТРОЕННАЯ РУКАМИ ЭНТУЗИАСТОВ. ПО ОБЪЕМУ МНЕНИЯ ПРИЗНАНА ЛУЧШЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ.

Фото Анатолия БОЧНИНА

РЕПОРТАЖ «ВОЗВРАЩЕНИЕ В МАРТ» НА СТРАНИЦАХ 24—26.

2
ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.
ШКОЛЬНЫЙ ЗАВОД «ЧАЙКА».

12
К ДНЮ ПОГРНИЧНИКА.
ПЕРВЫЕ С НАШЕЙ СТОРОНЫ.

16
ПОСВЯЩАЕТСЯ XVII СЪЕЗДУ
ВЛКСМ.
ОЗАРЕННОСТЬ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
XVII СЪЕЗД ВЛКСМ

**РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНИ»,
НИЧЕГО НЕ ОСТАВАЛОСЬ, КАК ПОБЕДИТЬ...
РОМАН ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ
СЕБАСТЬЕНА ЖАПРИЗО
«ДАМА В АВТОМОБИЛЕ...»**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ: В. С. Абыши, Г. П. Енисеев, А. П. Кулишев, А. А. Лянов [ответственный секретарь], В. В. Давыд [заместитель главного редактора], В. Г. Погодинов, Р. И. Ровдженцев, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, А. П. Середя, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Буднина

ПОМОЩЬ

Значит, так:
— Ну, Ляксея, не медаль ты мне на шею. Пошел-ка в люди.

И пошел я в люди.
Все! К дальнейшему устройству судьбы миллионов Лаксеев государство имело то же касательство, что дед Каширин. Не принято было тратить нервные клетки на такие мелочи.

Первейшей заботой социализма было решение проблемы детей, выкинутых премжем обществом «в люди» — чаще всего в бродяжки, воры, проститутки, нищие, беспризорники. Я, например, хранил два убедительных свидетельства того, как в стране решилась проблема беспризорничества: бессмертную книгу Антона Макаренки и старенький ФЭД № 37914 с надписью: «Трудкоммуна НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского. Харьков».

Ныне у родителей, государства, школы заботы уже другого порядка. С одной стороны, надо бы уважить запросы молодого поколения по части транзисторов, магнитофонов, электрогитар, крипленна, каракуля, модных сапожков. С другой, как дятло понять юношество, что тот же крипленн или магнитофон достаются не так: «Мама, что тебе, жавка?», — а иначе. Трудом. И не только таким, что всегда радость и наслаждение, а чаще необходимость, обязанность, довольно суровая. Что, если, как теперь, девять десятых выпускников будут только связывать свои представления о счастье исключительно с дипломом, а не с высоким рабочим разрядом, то это чревато как раз несчастьем для многих из них и — связь тут прямая — потерей для страны.

Объясняя все это лишь на словах, легко превратить их в антислово. Надо, чтобы юные потребители крипленна, транзисторов и прочих благ сами в чело-то убеждались. И поразила! Наука, школа, комсомол искали и ищут разные методы для этого.

С одним из весьма интересных методов можно познакомиться, опустив пятак и дрявя в метро до «Хайков-

ской». Там рядом увидите корпус с надписью «Экспериментальный школьный завод «Чайка».

«Чайка» означает, что предприятие названо в честь В. Николаевой-Тарешковой. Экспериментальный — что здесь ищут, пробуют и что опыт «Чайки» (десятилетний!) пока еще не стал нормой. Школьный — что здесь работают школьники. За год на «Чайку» успевают поработать три с половиной тысячи старшеклассников двадцати девяти московских школ. Специально для ребят создано 376 рабочих мест. Остальные 355 мест принадлежат взрослым. Девятиклассники работают в течение всего учебного года по одному дню в неделю. Он, включая изучение теории, лабораторные занятия, длится шесть часов. Десятиклассники трудятся здесь только первое полугодие. Их рабочий день еще короче — три часа.

Грубо говоря, «Чайка» взяла на себя централизованное проведение школьных уроков труда.

«Ипродлин» — слышу в этом месте убежденное мнение скептика. Честно говоря, я и сам так думал, пока, посмотрев и послушав, не убедился: на «Чайке» — и это самое главное — пошли дальше, чем на обычных уроках труда. На таких уроках в школе ребята учатся что-то делать. Здесь же, научившись, делают. Работают бригадами, по нормам. Выпускают продукцию, утвержденную Госпланом. Их труд, его качество и количество оцениваются, во-первых, по школьной пятибалльной системе, и вторая оценка идет в аттестат, в которых — это тоже существенно — в деньгах, в рублях и копейках. Предприятие из хозрасчета. Какие же это бирюльки!

Посмотрим поближе. Пройдем сначала на четвертый этаж. Здесь цех радиодеталей. Это не «как настоящий» цех, а самый настоящий, где весь процесс разбит на операции — от простейших до окончателного укомплектования радионабора «Мальчик». Мальчишки, которым палм кулет этот набор за семь ценовых, получают удовольствие: соберут настоя-

щий транзисторный приемник. Для них это отличная игра. Для одетых в белые халаты шестидесятилетних трудящихся игра уже позади. Есть работа. Есть необходимость получить не игрушечный — реальный разряд, (было время, когда на других заводах разряд, выданный «Чайкой», не желали принять всерьез, но это позади.) Есть не игрушечные, а реальные контроль за качеством, себестоимость, рентабельность, встречный план. Есть, наконец, честь фирмы, продукция которой идет в сто с лишним городов страны и за рубеж.

На третьем этаже цех электротехнических изделий. Его продукция — электромоторчик, мушкет, согласно договорам, на заводы, где делают датские электротехнические игрушки. Кстати, когда «Чайка» выдвигалась в самостоятельное предприятие, рижане помелали иметь во своим постоянным поставщиком: в этом виде продукции школьники допускают меньше брака, чем взрослые.

«ЧАЙКА»

И опять же очевидная истина: одно дело «проходить» в школе правая левая и правая руки, принцип работы трехфазного двигателя. Совсем другое — самому собрать не одну сотню двигателей, досконально изучить каждую деталь, операцию.

На сборке я познакомился с девятиклассником 546-й школы Володи Полиначиным. Он откровенно признался, что работа его уже не удовлетворяет: примелькалось, наскучило. И работает Володя по настроению. Но вот его план:

— Хочу после школы пойти на завод. Но не по этой специальности, — кивнул на свое рабочее место, а нужна ему такая, где надо «больше головой работать». Отец у Володи рабочий, мать часто болеет. Старший брат — студент университета. Вот и надо помогать семье. Правда, специальность Володя не выбрал: — Успею еще...

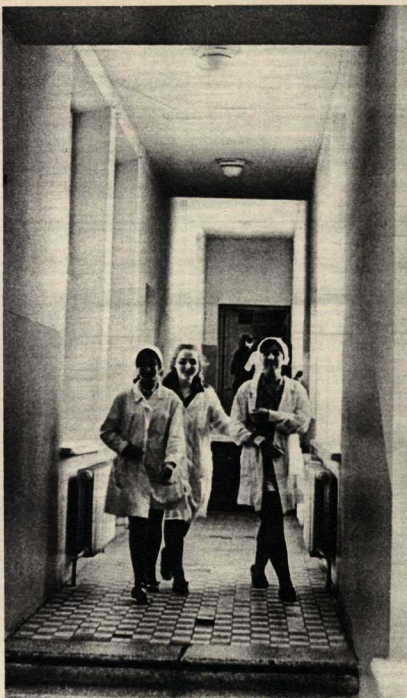
Речь, положим, еще не вполне мужья. Но уже и не того мальчишка,

который связывает несные мечты с «каким-нибудь» вузом, с нелепой обязанностью, с тем, что — об этом некоторые сверстники Володи прямо говорят — папа или мама устроит их в КБ, НИИ, и потому работа на «Чайке» для них — отбывшие номера.

— Ну, мне пора, — буднично вздохнул Володя и занял место за столом.

В другом конце цеха я говорил с мастером производственного обучения А. Ф. Скрипкой. Ему опыт-таки в порядке пробы поручили заниматься с особой группой ребят-восьмиклассников, которые, согласно новому порядку, окончив восьмилетку, будут поступать в профтехучилища и техникумы. Большая часть это «трудные» ребята. Вот и решили их послать на «Чайку».

Александр Федорович как раз подложил итоги их работы за первое полугодие в рубль и в баллах. И выходные, что изготовлением контактной колодки его питомцы занимаются с

НА ШКОЛЬНОМ ЗАВОДЕ «ЧАЙКА» РАБОТАЮТ БРИГАДАМИ, ПО НОРМАМ, ВЫПУСК КАКОГО ПРОДУКЦИЮ, УТВЕРЖДЕННУЮ ГОСПЛАНОМ.

большим прилежанием, чем школьной наукой.

— Конечно, — сдвинул очки на лоб, усмехнулся мастер, — мне было бы легче с ребятами, будь мне не шестьдесят, а сорок ну, пятьдесят лет. Учителя предротерегали: «Они вам все перевернут», — а ребята работают. Иногда даже против разрешения остаются сверхурочно.

Директор завода В. Ф. Карманов объясняет этот парадокс так:

— В школе ребята только учатся думать. Здесь думают, решают проблему, недаром сейчас в школе переходят на проблемное обучение: проблема дисциплинирует!

На втором этаже швейный цех. Его «изделия» — гарнитуры, куртки — можно купить в «Детском мире». За разработку и освоение этой продукции цех получил премию Всесоюзной торговой палаты.

Стой деловой гуд машин. В своем сочинении о работе на «Чайке» одна

девчушка про этот самый гуд написала так: «Очень раздражает. Я стала нервозной». На вопрос, помогла ли работа на «Чайке» расширить кругозор, она написала: «Вопрос по своему существу и делу не относится». В ответе на третий вопрос, появилась ли работа на заводе на отношении в коллективе класса, девчушка тоже не склонилась к сентиментам: «Труд на заводе как таковой отношения и школы не имеет и только отвлекает от учебы».

Не берусь рассуждать, что идет эту девчушку в жизни. Место этого хочу сопоставить ее ответы с другими.

«Когда видишь готовый комплект, то радуешься, что он сделан твоими руками и что какой-то ребенок, одевая куклу в этот костюм, будет радоваться. Я выбрала профессию врача. Хочу везде вводить такую же чистоту, как в наших классах [Зульмина Наталья, 9-й класс 546-й школы].»

«Я стала понимать, что труд швей нелегкий, но он приносит радость. Я стала больше уважать труд других. Дома помогло бабушке — школе [Самойленко Любовь, школа № 549].»

«Как-то по-другому стала смотреть на людей. Находить в них больше хорошего. Стала больше удивленной, терпеливой» [Совина Татьяна, школа № 549].

«Я стал уважать свою мать, стал понимать, как она живет на работе» — написала выпускник школы № 516 Бумаков А.

«Нравится серьезность поставленного дела» — отвечал выпускник 855-й школы Мухомов А.

Буринцов Виктор из 1161-й был столь же краток: «Ид, что делаю полезное дело». «Здесь я впервые узнал товарный станок и полюбил товарное дело» — призание Антонова Анатолия, выпускника 563-й школы.

Или обратимся к пожеланиям. Надеждоткина школа № 535. Хотелось бы, чтобы учащиеся могли соревноваться не только с собой, но и с большими заводами, чтобы не оставались в стороне от трудовых подвигов. «Ид, чтобы ребятам больше доверяли работу на станках», — автор их выпускник школы № 538 Борис Макаров.

Вот какой резонанс от гула машины на «Чайке»: кто-то благодаря этому гулу легче преодолевает барьер при вступлении в большую жизнь, а у кого-то — и тут трудно отдать от «Чайки» сверхъестественного — гул этот усиливает преубеждение против «черной» работы.

Как это же, чего доброго, скануть, социальная и профессиональная дезориентация, а на ориентация. Нет, уважаемые, дезориентация — это когда знакомство молодежи с ее будущим делом носит рваный-завязанный характер, когда молодому человеку показывают лишь приятную сторону предлагаемой специальности, не соотнося ее с его способностями. Тогда и к выбору профессии он относится потребительски.

На «Чайке» же его не завлекают, а стараются показать истинные и ответственные трудности работы на производстве. Это помогает в сочетании с профориентацией выбрать или отвергнуть профессию наиболее осознанно, не путем ошибок, но еще пока не столь опасных, как в возрасте более зрелом.

Но спустимся ниже — на первый этаж учебного заведения — самый альтечный. Ребята работают наборщиками, брошюровщиками, стоят у печатных станков. Печатная продукция — это не только собственные рекламные проспекты, но и заказы других предприятий. И пусть не все рабочие этого шага выберут профессию печатника. Умение печатать, учение, журнал, газету не обидит.

Если в пройденных нами цехах — учебных — а зрелые работники мастерами, начальниками цехов, их заместителями по специальности, то остальная часть завода исключительно зрелая. Это прежде всего цех, где сосредоточены участки экспериментальной, тонкой работы под давлением, сверсверный и другие, на которых положено работать только взрослым.

Совсем без их подстраховки встает мальзук — объяснимы мне. Тогда я спросил:

— Что значит подстраховка? Уж не приходится ли взрослым во время каникул брать на себя дополнительные трудности?

— Не приходится. Просто на лето «Чайка» в плановом порядке снижает выпуск продукции. Штамп сменился об этом предупредили.

И еще создали в прошлом году «Чайка» отчисления в бюджет государства полмиллиона чистой прибыли. Так что у «большой промышленности» она не сидит в долгу и ее директор не приходится краснеть на балансовых комиссиях.

Разумеется, чистая прибыль могла быть больше, если бы в структуре «Чайки» не было «всплеска», которого нет у других предприятий. Речь, помимо обычных заводских служб, «Чайке» нужно содержать больший, чем на обычном заводе, штат масте-

ров производственного обучения. Да еще немалый штат воспитателей. Не далеко завод находится Дом юных техников, в котором занимаются до 500 школьников средних и младших классов и который с его мастерским, оборудованным, ежегодными выставками творчества ребят обходится «Чайке» ежегодно в десятки тысяч рублей. Плюс расходы на подшивной детсад — 50—60 тысяч в год. Сюда же прибавьте ежегодно производимые из фонда предприятия затраты на организацию поездок в отпуск, на Кавказ, Украину, за рубеж. Какая школа за свой счет может позволить себе такое?

Понятно: редко кого из ребят заставляет работать на «Чайке» реальная нужда. И уж конечно, никто из них не в силах сам никуда отправлять за таких поездок. Так вот, организуй поездки, «Чайка» исполнит подобно работнику и мысли: таков закон социалистического предприятия — заботится о своих рабочих. У предприятия в этом смысле возможностей даже больше, чем у рынка высокооплачиваемых пил и мам. Но его работа о тебе, в отличие от мамини и папини, не даровая, а зависит от твоего трудового вклада.

Как возникла «Чайка»? В конце пятидесятых годов теперешний директор «Чайки» Н. Ф. Карманов, человек с высшим педагогическим и юридическим образованием, с богатим и разнообразным жизненным опытом, руководил заводом микроэлектродвигателя, где тогда залечным методом проходили практику группы молодых школьников. Пораньше это метода, когда рабочие не могли как следует ни выполнять план, ни заниматься со школьниками, казалась весьма плохой оневидной, что он стал официально добиваться его упреждения и создания примерно того, что мы сегодня знаем как «Чайку». Карманов вместе с коллегами и родственниками выстроили завод. В конце 1963 года «Чайка» была создана.

Было, было передавать «Чайку» из ведомства в ведомство, из предприятия в оборудование, оплате дополнительного штата мастеров, в заказах. В пору ее закрывали. Тещино Карманова и ее родственники, в частности Л. И. Рогова доказывали, что сотрудничество с педагогами с экономичной возможно и необходимо...

В самый трудный момент «Чайку» поддерживали в существовании родители и в распоряжение управления кадрам Мосгорисполкома. В этой системе она по сей день.

Формировалась «Чайка» постепенно. Сформировалась стабильной коллектив рабочих, инженеров, воспитателей — энтузиастов своего завода и деловой «Чайки» — талантливой. Экономика предприятия крепкая, зрелая, высокой. Каждый год 17 марта на «Чайке» проходит соревнования на звание лучшего по профессии. К нему приурочены день открытия дверей. На него приглашают родителей. И из них многие только теперь, узнают, что это за «Чайка» такое предприятие: «Нет таких слов в русском языке, чтобы выразить благодарность...»

К стыду своему, я узнал о «Чайке» только с немалым опозданием. А знакомство с ней, как выяснилось, как привлеклись к труду школьников лет двадцать назад. Так, девятиклассники, на целый месяц возили убирать картошку. Честно говоря, не знаю, как им нравилось выполнять работу, любезно изпод снега, комокнут под дождем, тешились на нэрех в сырмозагониче. Но вот прошло уже немало лет, и в нас разлу не помешало, что, если пылать тогда. И, думаю, никто не пожалел.

Тогда еще в недалеком времени таких предприятий, как «Чайка».

Наука — производство

Алексей АСОЦКОВ

В 1724 году, ровно 250 лет назад, была основана Академия наук, базисная жилая школа молодых ученых, как Ломоносов и Пирогов, Лобачевский и Булгаков, Сеченов и Менделеев и многие другие. Трудно, конечно, сравнивать сейчас веролюбовию науку в науку Страны Советов — хотя бы по масштабам научных исследований. Невозможна только одна цифра: в нашей стране трудятся около миллиона научных сотрудников! И половина из них — молодежь.

Пожалуй, ни в одной стране мира не относятся так бережно к молодым ученым, как в нашей стране. Стаивающиеся настоящее и будущее науки. Научно-технические общества, студенческие конструкторские бюро, советы молодых ученых — это только не сколько из многочисленных форм работы научной молодежи. Сегодня журнал рассказывает о молодых ученых Белоруссии, о том, как они претворяют в жизнь формулу науки — производство».

х уж эта замолучная эффективность науки! Выслушать, сколько рублей прибавит дело науки, сколько сэкономит через год, два, десять лет, означает очень многое, если не все. От этого зависит, какой будет наука в ближайшей и отдаленной перспективе. Не чем иным как экономической эффективностью определяется научная судьба институтов, лабораторий, а вместе с ними каждая отдаленная научная организация? Почему эффективность замолучивается?

Чтобы понять это, достаточно несколько дней побывать в образе Артура Петровича Челмешева, начальника отдела внедрения Академии наук Белорусской ССР. Его рассказ, как и его характер, оптимистичен, но от этого проблемы, ежедневно терзающие его, не становятся легче.

Научные исследования принято делить на три категории: фундаментальные, прикладные и прикладные. Белорусская наука развивается по всем направлениям. Но особое внимание обращено на прикладные работы, имеющие прямой выход в производство. Казалось бы, что проще: выдать затраты из прибыли и получить чистый эффект. Это не фундаментальные исследования, где перспективы экономической отдачи покрыты зачастую туманом. Здесь как будто все ясно.

Очевидно, ясно далеко не все. Основная неясность поджидает за порогом лабораторий, когда работа успешно завершена. Начинаясь достоянием и восторг мучительных затрат из прибыли и получив чистый эффект. Это не фундаментальные исследования, где перспективы экономической отдачи покрыты зачастую туманом. Здесь как будто все ясно.

Артур Петрович Челмешев говорит так, что чувственно: тема разговора задает его за живое.

— На эти внедрения решаются гамма-экспонаты, но они не будут. Будет новое изобретение жить или не будет. Будет ли оно выдано в сжатые сроки или выйдет на пенсию, так и не вывез трудов деятельности. Соответственно, все то, что я говорю, далеко не ново. Нельзя сказать, что вот и все там. Экономические рычаги внедрения совершенствуются, хотя экономисты ставят в большую долгу. Но вот на что я хочу обратить ваше внимание: считать рубль производимого эффекта несложно, но они не могут быть единственны аргументом, способным пролить дорогу новшеству. Сильным ориентиром эти показатели, неосказаны, чтобы по мощи сиять тенью с по-

заглянуть абсолютно реальному, хотя и не столь эффективным: либо признать, либо реализовать и т. д. Поставить себя на место директора завода, и нам станет ясно, о чем я говорю.

Второе — это, конечно же, наука, даже прикладная, всегда движется вперед в той или иной степени на опытах. Такова ее специфика. Но чем конспиративнее издержки такой неопределенности.

Вот тут к экономическим рычагам добавляются рычаги общественные. Их много, здесь и личная ответственность всех ученых, начиная от руководителей и кончая рабочими. Здесь и жажда новизны и желание работать на высоком уровне. Здесь и любовь к комсомольскому делу. Поверьте мне — я давно занимаюсь своим делом,—при удавшейся организации эти рычаги становятся архиважными.

На другой день Артур Петрович Чельшевский делал доклад председателю Белорусской академии о ходе внедрения в производство работ, выполненных учеными республики в прошлом году. Мне запомнилось несколько слов о разработанном в Физико-техническом институте методе ковалентного синтеза. Только по электромеханично-строению он дал годовой экономический эффект около 2,5 миллиона рублей, а в этом году, судя по всему, цифра удвоится.

Второе впечатление — только один пример из обширного доклада. В нем подчеркивалась большая роль комсомольских организаций институтов, советов молодых ученых. Но это оказалось, по скольким следам выступил Петр Прохоренко, секретарь республиканского комитета по внедрению. Проблемы, перспективы — такова обобщенная структура его доклада. Стесненный жестким регламентом, доклад получался сухим, но задрямленным. Накануне вечером его писал комсомолец. Спорная, явственно переключенная тема — это и весь мир. Все председатели советов молодых ученых собрались в комнате комитета комсомола. Приглашенный сюда Чельшевский запоздал к началу и, когда встал, почкала голова — «спонсорский» эффект переключился турбулентно — «Игноруй!».

А я беседуя с каждым из ребят в отдельности и со всеми вместе. Пытаюсь понять, почему дело внедрения научных исследований в практику стало здесь главным. Что привлекло их к этому? Почему комсомолец институтов и советов молодых ученых мощных секторов внедрения. Почему именно их дела смогли поднять авторитет комсомольских организаций институтов настолько, что их решения реально выполняются? Почему в многих институтах республики директора являются ответственными перед партком за комсомольскую работу.

Пожалуй, все началось в Физико-техническом институте весной прошлого года. Николай Румак — председатель совета молодых ученых отделения физико-технических наук — утверждает, что началось это в апреле, именно тогда, когда был создан в институте совет. Разумеется, совет существовал и раньше, но что было, отменяется от того, что есть сейчас, как небо от земли. Посему тут, что было раньше, не в счет.

Первое серьезное дело совета — шиферта над внедрением в производство созданных в институте инструментов ротационного резания. Это не принцип и не метод обработки новых типов резцов, фрез и других инструментов. Сейчас, оглядывая назад, хорошо видно, что не обошлось без определенной доли везения. Николай Румак, занимавшийся ранее разработкой фрез, решил попробовать совет ротационного резания. Но внедрение не требует новых капитальных затрат, оно может быть внедрено на обычных металлорежущих станках. Во-вторых, экономический эффект от внедрения ротационного резания весьма малый, что дало без всяких расчетов. В-третьих, лабораторные исследования и производственное внедрение проходили под руководством академика АН БССР Е. Г. Коваленко, человека энергичного, истинного, и что немаловажно, очень доброго как в кругу ученых, так и в кругу практиков.

Внедрение начали с Минского станкостроительного завода имени С. М. Кирова. Три перечисленных фактора обобщили решение задачи. Это не очень встали. Первое дело оказалось неслучайным, ребята повели в свои возможности. Но внедрение не так и внедрение, чтобы ему сопутствовали трудности. А суть их сводилась к тому, что на заводе в процессе внедрения неизбежно серьезные трудности возникали преимущественно в конструкторских условиях.

Взяв, к примеру, фрезу, в институте разработан комплект ротационных фрез для применения в различных условиях. Но жизнь вносит поправки. Марка и качество металла, сложность и конфигурация поверхности вала фрезы — все это приходится накладывать свой отпечаток, требует учета и, ес-

ли необходимо, внесения корректив. Задача вырвалась в многозвучную, где научная мысль должна идти рука об руку с практическим опытом. Активности одного подразделения института на заводе, а другого — в институте.

Пришло совет молодых ученых физтеха искать единомышленников на заводе. И тут рассудил по-житейски. Кому, как на заводском комитете комсомола, узнать, что на заводе происходит? Пошли, договорились, вместе организовали акция, вместе являлись за работу. Отсюда начались серьезные научные интересы нескольких молодых инженеров завода. Сейчас они аспиранты Физико-технического института. Их основным методом ротационного резания, который внедряется на БельАзе, на Московском электромеханическом заводе имени Ильича.

Уже были успехи физтеха с ротационным резанием, когда комитет комсомола Академии наук Белоруссии вопрос был поставлен самым реальным образом: при советах молодых ученых институтов под прямым контролем комсомольских организаций сектора внедрения. И тут разгорелся спор. Минцы с треском раскололись. Исполком. Один, возглавляемый секретарем Петром Прохоренко, энергично отстаивал сектора внедрения. Их самым весомым аргументом стал опыт физтеха, пусть пока небольшой, но опыт внедрения. Другой, отстаивавший, что лучше заместителя, выступал против иезиного, по их мнению, новшества. Они рассуждали как будто бы логично. У советов молодых ученых есть обширный круг обязанностей, которые выполняются в работе совета. Это прежде всего помощь молодым ученым в преодолении трудностей научного становления, создание благоприятных условий творческой деятельности. На практике это выглядит так: организация конференций молодых ученых, лекций, коллективных обсуждений научных идей. Служу нет, все это полезно и необходимо. Но многосторонняя деятельность. Сложная, требующая, однако бурно по всем элементам деятельности. Всегда есть нечто самое важное, что должно стоять во главе дела, что способно разжечь у ребят истинный интерес, вдохновить и воодушевить. Наконец, разве не важно, кто из молодых ученых является членом организации институтов присилки прямую материальную пользу?

Споры на тему быть или не быть секторам внедрения закончились безусловной победой сторонников внедрения. Уступив, однако, что в случае возникновения конфликта свидетельствует тот факт, что лидер «оппозиции», заместитель секретаря, в итоге попал в отставку.

Предмет деятельности каждого института специфичен, тут и математики, и биологии, и физики. У каждого института свой предмет, свои направления работы секторов внедрения. «Теория, выдумки, пробы». К примеру, в институте физико-органической химии сектора внедрения начали с апробации по соевым маслам.

Дело в том, что одной из лабораторий института разработан метод обогащения грубых кормов, так называемый метод гидролиза. Грубостебельное, сено, веточная масса, камыш — все это практически не усваивается животными. Если же в корм подмешать химическую обработку, то резко повышаются не только вкусовые качества, но и питательность кормов.

А сделать химическую обработку просто. Измельченный грубый корм закладывают в деревянную ванну, заливают раствором соляной кислоты, закрывают крышкой и, нагнетая в чан пар, проводят гидролизную варку. В результате происходит химические изменения клетчатки растительного материала, образуются некоторые количества сахаров. Их выход составляет 5 до 20 процентов, в зависимости от степени измельчения исходного сырья, температуры, продолжительности варки, концентрации кислоты.

Простота, эффективность метода очевидны. Он был описан в нескольких статьях, опубликованных в журнале «Молодые ученые». Но о нем упоминали в газетах, но все равно он затерялся под бегом беседы. Лишь в нескольких хозяйствах республики начали применять новый метод.

И в один из холодных декабрьских дней в советском клубе Котовского приехала группа молодых людей. Как вскоре выяснилось, то были не артисты из города, а научные сотрудники Минского института физико-органической химии АН БССР. Они пришли сюда, чтобы узнать, что такое сырье вызвало большой интерес, чем иной концерт.

Движимый любопытством, народ собрался прямо на животноводческой ферме. Сначала Людэ Потдыка прочтала лекцию о научных основах метода гидролиза. После чего все участники вместе со своими коллегами она проделала весь процес

от начала и до конца. Аггтсеис завершили дегустацию нового блюда. На глазах у изумленной публики коровы с аппетитом сосали тот самый корм, который был приготовлен на заводе. Мы тогда еще не знали. Но уже наговорили, что такое этого нового метода зерна прочие позиции в арсенале животноводов совхоза. Вот уж повистие лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать.

Удачей не ограничился успех. Маршруты аггтсеиса пролегли по Пузовскому, Червешскому, Берлинскому районам республики. И всюду — неизменный успех. Подметая ребята и в родную деталь: там, где они побывали, животноводы как бы совершили прорыв. Они стали интересоваться новинками научно-производственной литературы, творчески подходить к применению научных достижений в конкретных условиях хозяйства.

Вместе с изменением аггтсеиса института все шире разворачивалась его деятельность. С подписанием совхозами, где побывали аггтсеиса, устанавливались тесные связи. В ходе внедрения нового метода у животноводов возникает множество вопросов. Регулярно на места стали выезжать консультанты доктор химической наук А. И. Скрягин теперь частые и желанные гости в совхозе «Краснооктябрьский», Пузовского района, где при их участии организованы производственные станции для обогащения грубых кормов. В институте сплошным потоком текли просьбы о консультациях, об оказании помощи в приобретении кислоты, в строгости условий ее хранения, о предоставлении определенного списка корреспонденции.

Становление сектора внедрения протекает приоткрытой занавеской. Кое-где сектора перерастают свои организационные рамки. Например, у математиков это вылилось в создании академической лаборатории внедрения вычислительной техники. Всем известно, какое серьезное внимание уделяется разработке и внедрению автоматизированных систем управления в народное хозяйство. На III Пленуме ЦК в комсомольской организации разработана программа шиферта над созданием и использованием АСУ. Это прежде всего использование вычислительной техники в управлении народным хозяйством. В связи с этим последовали реальные дела. АСУ — это прежде всего использование вычислительной техники в управлении народным хозяйством. Проблема дефицита программистов. По инициативе комсомольского бюро при институте математики создан школу программистов. Работу поставили на широкую ногу, в школе обучаются студенты инженерных факультетов вузов, выпускники других институтов и предприятий. Но и этого оказалось мало. Вслед за дефицитом программистов обнаружился острый дефицит в операторах для ЭВМ. В институте математики быстро организовали кружок по обучению операторов. Кружок пополнился, получив подготовку, возвращаясь на свой завод. Так комсомольцы института помогали заводу имени Ванюкова, Минскому часовому.

Кроме подготовки программистов и операторов, у штаба по внедрению вычислительной техники множество других задач. Тут и конкурсы на знание лучшего оператора, тут и работа в минской специализированной школе, где вместе с учителями зрелости выпускникам вручается удостоверение мастера вычислительной техники.

Разумеется, все, о чем мы узнали, делается на общественных началах, — поясняет Петр Прохоренко.

Пожалуй, ему, как никому другому, видны результаты деятельности секторов внедрения, а главное, их значение для республики. Он рассказывает, жесточайшие споры о том, что сейчас очевидно. Каким-нибудь года два назад в некоторых институтах, заткнувшись на стену равнодушия, приходилось насильственно насильствовать новую форму работы. Приходило изобретать методы, которые превращались в методы в конечном счете привнес успех. Ребята, прикончившись к живому делу, становились неудержимыми. В институте тепломассообмена совет молодых ученых стал работать только тогда, когда в институте возникло производственно-техническое объединение «Монолит. Посмотрите, каково там сейчас!

— Перечислять трудности нет смысла, — сказала мне Владимир Адашкевич, возглавляющий сектор внедрения в институте. Он знает, что такое работа — сплошные трудности, которые мы научились воспринимать как норму. Важно в нашей работе увидеть то качественно новое, что внесла она в жизнь комсомольских организаций института. Совет молодых ученых не переставал работать только на себя. Приходилось решать задачи не из учебников, а из жизни, что послужило во сто крат. Воспитывается характер молодого специалиста, от нетерпеливости за свою работу. Словом, я убежден, что наша работа — это не просто процесс закономерный, а потому перспективный.

Опущена в высоту,
Сирень струилась на вету,
Струилась и летела,
Не ощущая тела.
Она дышлась в толпе,
Она была подчас бела,
Но чаще синевата
И вырывалась из листьев,
Как будто миг звала на взыв,
Была грозней булвара.
Но это видимость одна!
О, как она была нежна,
И как, стесившись, пела,
И как хотела повторять
И голос твой, и цвет, и старт,
И все оттенки тала!

Весенняя пора — твой пора.
Хоть и легкий холодок с утра,
Но плохо верится в его асвельств.
Держалось долго на дворе
Ушло, нет, нет, — сбегало.— Это ты
Весне повторствуешь. Твои черты
Я нахожу в ней. Четко. Очень зримо.
Какие! В жизнь входить неподобно.
Стремительность. Решимость.
Прямота.
А синева пока что не густа.—
Размыта, будто бы на авараии,
Пройдет еще не более недели,
И, раздувая пламя оклабытой,
Весна взблиз оклеветает тобой.

Освобожденная от снега,
Земля чернеет там и тут,
И на полупустрых вету
Деревья для Москвы...
А с неба,
Как ливень, звонко льется свет,
И над землей — ему в ответ —
Клубится теплый пар — истома
Вновь застывающей земли...
Под наблюдением тридцатидесяти
Звезду монтеры понесли,
И на конат вышше, вышше
Звезду подвигают и крмше.
Для пробы лампочки замглил
И погасили...
И дали
По давней праздничной привычке,
Укрытые в цветочных дымах,
Как бы в предмайской перелючке,
Созвездья отвечают им.

Ночь. Голыщю. Гулко и быстро
Сажьез потемки прошила, как нитка,
Электричка. Мельничука, как искра
Городского огня. И — ушла.

Или это свернула зарница!
Или это упала звезда!
А вдаль смывы — столица—
Круглосуточная страда.

А вдаль — на большом расстоянии—
Шумов слитные голоса.
Словно северное шепелье,
Подрагивают небеса.

То услышав третьей сены,
Бесположимый барганден горя,
Полхают выносом мартемь,—
Там уже замплет заря.

Спятник всплеском далекого гула
Поселовая тышина,
Небо дремлет. Природа уснула.
А Москве не до сна.

Ловлю перекрестные взгляды,
Ловлю перекрестные звуки,
Сказания, баллады, легенды
Идут ко мне в руки.

Как магнитофонные ленты,
Проучиваются недели.
Сказания, баллады, легенды
Пришли, налетели.

Я в них избегал назиданья,
Слова извлекал от пыли.
Баллады, легенды, сказанья,
И все это — билк.

Черновики преврати в Беловики.
Ты работай ночами привык,
Потому что и днем ты в труде—
На покое, в дороге, везде.
Строчк, наметки, хоршеи!
Зачертени и опять напшиши,
И опять зачертени и опять
Запиши свои строки в тетради.
Разгонись — наметачка, а там
Вновь пройдишь по печатным
листам,
И начало предстанет концом,
И конец будет первым столбцом,
И учитель опять ученик,
Беловик преврати в черновики!

На литовский мотив

Земля поднимает траву,
Трава поднимает росу,
Роса поднимает комья нона,
А конь поднимает мена.
А конь поднимает мена,
А в поднимая шапку сноа,
Чтобы приветить мою любовь,
Для которой песню пою.

Даленый ответ пушонской
пледии,—
Нам врад ли увидать другой такой.
Не своды, не колонны, не аркады,
А правда чувств в строке
и за строкой!

И между строк просветы и пробелы,
Как между звезд, как в сонмище
планет,
Откуда говорит со мной поэзия
Не отошедших, а грядущих лет.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Моя дружба с журналилом «Смена»
длится вот уже 25 лет, и сегодня я с
удовольствием представляю читате-
лю молодого, подающего надежды
поэта.

Валерий Краснополюский окончил
в 1971 году механико-математический
факультет МГУ, занимался в литера-
турной студии университета. К поэзии
он отгиснулся серьезно, может
быть, не менее, чем к математике.
Одн его жизненных призывания не меша-
ют одно другому, скорее в чем-то
даже помогают.

Молодую поэту свойственно острое
и тонкое ощущение природы, себя в
природе. Красивы в его стихах невя-
рние, поэт избегает всего громкого,
броского, это делает его поэзию за-
душевной, охватывающей матеми зри-
змом.

Поэт еще веск и путн, весь в воню-
ке, но он уже в чем-то нашупал свою
тропинку. Хочется надеяться, что она
выведет его к своей матере.

В Краснополюский много перево-
дн. Его интересует поэзия стран
Востона. И это — третья его признание.

Евгения ВИНУКОВ

Юго-Запад Москвы, в октябре
запорошенный снегом,
Резковаты озои зтих перых
осенних снегов...
Открываю сегодня во всем,
что поспорно с небом,
Те крас, где у рек просто может
не быть берегов...

Рассветает... Открыо замерзшие окна
В сад продроганий, который не мною
взраден.
Я хочу, чтобы солнце согрело
озбище стекла,
Чтобы осени цвет был тот же на миг
взваражен...

И весенней капелью вдруг робко
капель отзовется,
Зачеркуют вновь осмелевшие
вдурт веровыки...
А мгновенье это в народе смятенном
завоется,
Потому что взорвался неуныше
было ручьи...

Юго-Запад Москвы, в октябре
запорошенный снегом,
И мгновенье весны в ореоле
осенних снегов,—
Открываю во всем, что сегодня
поспорно с небом,
Потому что у чувств просто может
не быть берегов...

Весенний голос

Поюще синя пога с весною в мире
И с солнечным лучом играют
взпуском...
Не слышно трескотни в пустою,
забытой тире,
Но скоро грянет гром, появятся
стрелки...

Впервые жду весну нетерпеливо,
нервно,
Как будто с ней придет желанная
пора...
Как будто знаю я, что на неделе
вербной
Сойдутся, наконец, и завтра и вчера...

Вдыхаю аромат, за год почти
забытый,
И радость ручьям, ирришачи
о весне...
Не первая весна, ты мною вновь
открыта,
В капели городской, в оттаивающей
Луне...

Пусть утренний мороз своей
последней взято
Мне скажет о другом, покроет
льдом ручьи...
Ко мне пришла весна, имену
весенней вяло
И слышу каждый день надвальный
крик грачей!

Подмосковные сосны, тихий
медленный звон...
Утром ранница и росы как вая медком,
на полях.

Положили...

Прямота этих линий и упорство
кнойей...
Как пример нам отныне в синем
окуте дня.

Сумрак вянет... Лилосость в землю
сходит с юрью...
Начинается повесть мягкой юрью.

Дышало утро залатан сирен,
Кусты лежали сонные вползая.
Ирай небо было в барговом озаренье,
И сад миллионистый лютовал.
И вместе с первым трепетным пучком,
Когда сонность и вав не слышит...
И угадал гуденье дальних пчел
И многоцветье солнечной палитры.
Потом глина явилась коровод
Веселых бабочек, Оны, летя покая,
Приветствовали огненный восход...
И плечи как столы, не умолкая!
Так лето назначено, так тепло...
Замедленной, чем кадры комсомольским...
Песничю دنیا космической вооруже
Перемещались сузо и светю.

Тост

Темно-сиреневые сливы
На блюде влзание лепав,
Сель зблос белого наливка,
И курчавый виноград...
За август! За тебя, мой друг!
Я пью за будущее встреч,
За пьсьма твою, что не излечат
Нас от ошибки и разлуки,
И — за обаянный покой
Минутной золотой свободы,
Когда летит перед тобой
Дары заботливой природы.

Самый солнечный, самый чистый
Из дминувших жюй сентябрь,
Преклонен глубокого смысла...
Наилонис над строюмою мюей.

Осени ее сицню небесной,
Златю листья твоих одари,
Позов ее, легкую, в песню,
Чтоб другие забыть сентябрь.

Рисунки Михаила ПАТКОВА

ПАТКОВА

«Пятилетка — завод — человек»,

«СМЕНА» № 7, 1974

Дорога редакции! Номер «Смены», посвященный нашему заводу, пользуется популярностью среди трубовольщиков. По мнению многих комсомольцев, «портрет завода» получился. Мне хочется добавить к нему только несколько штрихов, рассказать о нашей шестой трубовольщико-строительной на мой взгляд, самом интересном заводском цехе.

После окончания профессионально-технического училища я работаю дежурным слесарем КИИ и автоматами и обслуживаю высоковольтные цехов, но особенно выделяет шестой трубовольщико-строительный. Он порадовал размерами, механизмами, чистотой, главное, размерами нававшихся работ по строительству нового здания «1020».

Попробую рассказать о нашей последней реконструкции. Такие работы в цехе еще не останавливали, конечно, невозможны, но и остановки могут быть разными. Проектировщики и наши инженеры так продумали всю работу по реконструкции, чтобы простой оборудования был минимальным. В одном из цехов собрали, подготовили и испытали новые кромкоотрезательный агрегат, созданный нашими специалистами. А под старым кромкоотрезательным заделом до начала реконструкции несли подготовку по фундаменту нового станка.

Из комсомольцев и молодых рабочих создали ударные бригады. Работали в бригаде, три смены и, несмотря на то, что станок ни на «миллуту» не устанавливался и над головами продолжали с грохотом двигаться стальные листы — будущие трубы, наши инженеры и мастера не останавливали, вырубив сесмет кубометр земли и старого бетона.

Почему мне доводилось слышать на одном собрании, что работу по замене старого кромкоотрезательного агрегата новым называли инженерным и девцом. Оригинальные инженерные решения по времени реконструкции нашего цеха — это минута. Так же, не останавливая работу, реконструировали насосно-аккумуляторную станцию, танкии нектантики, устанавливая оборудование для регенерации отработанного флюса, которые раньше вообще не существовали.

А как работала молодежь в эти трудные дни реконструкции? Предоставляю слово моему товарищу по бригаде Володе Игнатову.

— Были и срмы у наших работ. Так, в самом начале реконструкции не было выделено сметного задания на бетонных работах. Сразу был выделен комсомольский отряд. На этой работе мы брали комсомольское собрание, где разобрались в причине ЧП. Бригада была усилена работниками, имеющими практику на бетонных работах. Они помогли ребятам освоить новые для них дело, и надо сказать, впоследствии они работали отменно, задания выполняли на 140—150 процентов и были в числе передовиков. Эти ребята нашей бригады.

Владимир Пасечник, Володя Санчев, Геннадий Подберезин. В дни реконструкции у нас ежедневно выполнялись «Комсомольские задания». В работе отряды работали комсомольские чела. С его стороны не сходили имени сварщика Марата Ислагулова, Юрия Бударкина, электрика Валерия Колотилова и других, помогавших монтажникам устанавливать станки. Пресса давала освещение работы наших заводчиков. Это сейчас мы уже привыкли к новому прессу, а в первые дни силою него целые топыи у него 20 тысяч тонн, и точность отливания. Постригши его в Полномосью, на Колдомосском заводе технического станостроения. Пресса такой мощности есть и в США, и в Италии, и в ФРГ, но наши пресс, нам утверждают специалисты, работают значительно производительнее.

Появились в нашем цехе и плазменные установки для резки новых труб — тоже уникальные аппараты. Страна использовалась трехкратная сварка, она позволила на 10—20 процентов увеличить скорости сварки, конечно, конечно, конечно. По проекту стан необходимо было установить на 75 суток. Сколько еще за этих суток было спорно на разных собраниях и заседаниях? Многом этот срок казался невероятным, а мы уравнивались за два месяца.

Многие наши ребята с участков отделили, формовки, сварки, механики, электромонтажные бригады на высокотехнологичных работах. Это помогло им быстрее изучить ту технику, которую предостало им не изучать, и обслуживать. Поэтому и не удивительно, что мы в рекордно короткий срок освоили работу на станке, который раньше не было нашего цеха. Всего за три месяца, хотя по нормам отводилось полтора года. Мы уже в середине прошлого года работали на уровне нынешнего. А мощность стала выросла значительно, 400 тысяч тонн стальных труб в год — это существенная прибавка и мощности завода в целом. А пристоит этот стан только на реконструкцию, но и экономит довые ресурсы, но, наоборот, позволяет уменьшить количество работающих на нем производств.

Итак, наш цех переживает еще одну реконструкцию, это очередная ступень его развития, которая предполагает дальнейшее повышение уровня и качества каждого рабочего, совершенствование их мастерства.

Впереди у нас еще много поисков. И я уверен, что недалеко то время, когда наши станки будут удовлетворять возможности механизмов, существующих сейчас, поэтому у нас впереди — шаг в завтрашний день, это научно-техническая революция в действии. А у нас, как известно, нет границ.

Евгений ХОТИНОВ,
депутат Верховного Совета СССР,
заведующий цехом
Челябинского трубовольщико-строительного завода

**После выступлений «Смены»
«Авторитет вожак»,**

«СМЕНА» № 5, 1974

взаимопроверим работы комсомольских организаций, передаче опыта авторитетными товарищами членами комсомольских организаций.

В 1972 году в силу ряда объективных и субъективных причин был сорван пуск 1-й очереди МГОИА. В результате в течение 1973 года деловой пятилетки для молодых строителей Милославского завода не было. Большую работу проделали партийные организации. Сказал свое слово и комсомолю. Неважно, сколько комсомольских активистов, но они были энтузиастами молодежи был направлен на решающие участки работы. 31 октября 1973 года удалось ввести в строй 1-ю очередь МГОИА. Страна получает ценный металлургия.

На строение постоянно совершенствуются стиль и методы комсомольской работы. Важнейшие участки комсомольской работы в Милославском заводе являются молодые коммунисты. Из 19 секретарей первичных комсомольских организаций тринадцать — коммунисты.

Исходя из критических замечаний, высказанных в статье «Авторитетные товарищи» комсомольского треста «Курскострой» намечена ряд практических мероприятий, направленных на усиление работы с выборными комсомольскими активистами, на повышение авторитета и боеспособности каждой комсомольской организации и комсомольского дружка.

Г. ПОНИДЯЕВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
треста «Курскострой»,
начальник комсомольского штаба
стройки Михайловского ГОКа

лись с руками парней, а плечи, бока уже мягко расквашивали, и ноги плавно выплывали в круг.

— Все то прошло, ничего не воротится. И самой его молодости...

— Володимир, а пойдем ночью в лес за звездами. Спротив другог

цветка не сыскать. Авысь отощать,— предложил вдруг Парфен.

Колосов разозлился:

— Слушай, дед, ну что ты с этим попоротником! Да иди-ка со своим Яри-люком к едреной бабушке! — Вспыла в иринуку с холодными колодой горсть зем-линыи, он делая несколько жадных глотков и, хрустя зернышками ягод, сно-ва завалился на койку.

Парфен оторопел.

— Что-й ты, родимик! Ноздри-то раздул! Омыраику тебя ашби! — Не до-жидаясь ответа, старик засуетился, загремел-застучал чулками.— Не ховашь ли чего? А ну, так борщуй!

Колосов подумал, что напрасно так грубо ответил Парфену, и, пытаясь спа-дить вину, решил как-то объяснить:

— Понимаете, предстоит у меня серьезное дело. Ну представь: где-то в районе сального неба, как в мешке со звездами, должен я перехва-тить на скорости в две с половиной тыщи кмз одного приятеля, будь он не-ладный.

— Супостат, значит,— уточнил Парфен.

— Как тебе сказать, командир? звана он мой. Занудный такой: то подго-товкой и полетам недоволен, то крикнует, что слабо в общественной жизни участвовать, гор мальчинок, видишь ли, не пощещо. Словом, должен я его се-годня перехватить. И во что бы то ни стало.

— Э-эх, милки! Чему же все-то ваше направление в семинариях настаи-вают? Монитор-то здесь простой. Ты его враз сшибешь. — Дед Парфен стукнул Колосова слбым кулаком по груди и исчез за печкой.

Вернулся старик уже со свертком истрепанных, пожелтевших листков. Раз-ложил бумагу на столе, спросил:

— Как имя-то супостатника?

— Кайсаров. А что?

— Э-эх, меть твою в солдаты, так этот устатый через три двора у кривой Матрени живет Илья, теперь не перебивай, слухай. На море, на окияне, на остре-пове Буяне гонит Илья Перрок на колеснице гром со великим дождем: над тучей туча взойдет, исклина оскалет, гром грянет, дождь полетет, порох запы-лет. Пена излетит и взые костан...

Парфен на мгновение замолчал, испытующе глянул на Колосова — благо-говейно ли слушает — и скороговоркой продолжил:

— Как раба — рабца мечется, со младенцем своим не разрожается, так бы у него раба Кайсарова бился и томился, пули ружейные и всякого ог-ненного орудия. Как от кочета нет яйца, так от ружья нет стрельня. Ключ в небе, замок в море. Аминь трижды.

— Что это? Заговор? — удивился Колосов.

— Дополняю. Слово и есть. От пушок, стрел, ядер и всякого ружья. Мара-куем немного.

— Ты кондук, что ли?

Тонко, сонней мелким морщинок у глаз, старик улыбнулся.

— Не кондук, да оттадинок...

Колосов откровенно зеваясь, глянул в окошко и заметил, как потемнела тропинка, спускающаяся к реке. Онурувшись в воду, она продолжала свой бег на том, более высоком берегу, куда еще попадали лучи солнца, и от этого казалась светлой и чистой. За лесом послышалась рокочущий гул турбины. Это на аэродроме техники уже приступили и подготовке боевых вышин на ночь.

— Ну, дед, на сегодня хватит мне твоих эзотерических перегрузок. И так в голове один кинемор, шибем да лесовики. Дай хоть немного вздремнуть.

Парфен обиделся, стал скручивать бумагу, но уловатые пальцы слуша-лись плохо, и он сердито выговаривал:

— Подковирнул. В самое место. Как поглажу, шибко все ндравные пошли. Грамота в голове. А вон твой Фомин тоже Ивана Кулапу от Трифона не от-личили...

— Старик, долго еще не унимался, возился за печкой, недоволенный, что-то бормолал про себя. А Колосов перед самым отходом на аэродром вдруг отк-лючился от всего — как-то сразу забыл и Фомичева, и старина с его небилью, и капитана Кайсарова, с которым через несколько часов должен был встре-титься в последние далеко от земли.

Кулапу от Трифона... — откуда-то из сумрака бесконечности донеслось до Колосова. Голос ему показался удивительно знакомым.

Но что это?

Из-за дремучих деревьев выплыла рожа с мышиными ушами, выгнутому клыки, застопорили сонные глаза, ослепая бесосемным огнем. В мертвой тишине леса, нарушенной то жутким разбойничьим повисом, то тоску наводившим плачем и жалобой ночной птицы, послышалось под чьи-то осторожными шагами потрескивание сухих веток. Замирая от христа, это крадется зрябцев за волшебным цветком попоротника. А вот там, внизу, у самой речки, через кусты прыгают гибкие девушки, разгоряченные парни. Полные упругой силы ноги, обнаженные плечи, волнующая тьма бойких, беззащитных глаз... Сов-сем рядом Колосов услышал чей-то быстрый шепот, влекущий серебристый смех и оглянулся. Из рывки, сверкая в свете костров танцевальным отблеска-ми, навстречу ему вышла женщина. Она шла, упираясь руками в крутые бед-ра, от плавной поступи они ритмично расквашивали то влево, то вправо. Кал-ди воды скатывались с ее крепкого тела, повисали на кончиках высоких гру-дей, а в глазах буйствовали, играли все-то огни вселенной.

— Что же ты не подождешь ко мне, добрый молодец? — спросила певучим голосом и, закинув тяжелые пряди волос за спину, посмотрела победосно-но.

— Боишься? Или не нравится тебе праздник Кулапу?..

— Опять это глос!

— Неужели она! Та самая женщина, которая давно волнует песней своей... Как же это ты, гвардейский лейтенант! Не хорошо не знать бога Ярилу!..

Едва сказал — и страшный гротоз вырвел каким-то ворвался в сознание. Видение исчезло. Тут mismo взглядом осмотрел избу, не помня, где он, что происходит вокруг, Колосов услышал:

— Ну и горазд ты посылать. Подъе! На полеты пора.— И тут он заметил, как мелькнуло в окошко лицо капитана Кайсарова — арестократически блед-ное, с аккуратно остриженными черными усиками.

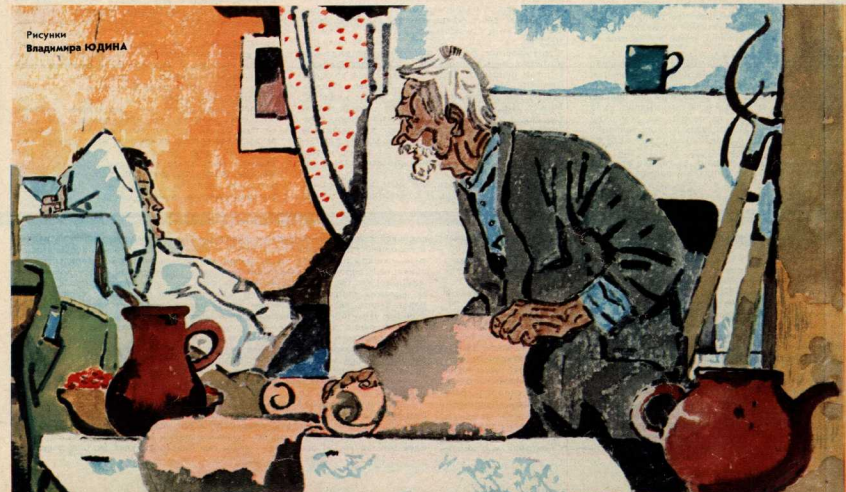
Сумерки заметно стужались. Оглашая воздух протяжным мычаньем, из-под горы показалось стадо. Над соргетями за день пашинки полетел черновыи благовест. Словно стон, тугичий, задуманный, пропал над поля-ми один удар колокола, ему на смену гудился другой, так же задуманный и печальный. Легкий ярмок заволочил Сосновку.

Колосов любил это время. Любил первым открывать ночные полеты. На звание темно уже, в там, в стратосфере, еще успеваешь пойти в лучах солн-ца. Они скользят по морской обшивке самолета, на развороте ремуж кос приборную доску оней тенью. Плавенкио перевернешь машину на спину и — у-у-у! — камнем вниз, словно с гигантской горки. На выводе из пикирования чем ближе к земле, тем чернее краски ее, тем ярче разгорается дестяками флорфорических стрелок и циферблатов, сигнальными выключателями и контро-льными табло мабина пилота. День гаснет на глазах — ты провозмешь его по-следним...

Вылет Колосова на перехват командира звена задерживался. Ему не хоте-лось встречаться с Кайсаровым, выслушивать в который раз длинные и нудные «ценные указания», поэтому на стоянке он повалился к самому зупуску, когда самолет уже был подсоединен к пусковой машине.

— Оплаздывем, командир,— откуда-то из темноты услышал голос техни-ка. Колосов буркнул про себя: «И здесь указания... Ну, чего волнуется? Будто начальства нет...»

Рисунок
Владимира ЮДИНА

первые с нашей стороны

Владислав ЯНЕЛИС,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

ЗАСТАВА

Нас поселили в небольшом, чисто побеленном доме, с маревой чугунной печью и по-военному скупой обстановкой. Вставали рано. И первым делом шли любоваться сопками, уже окрашенными ровной солнечной желтизной. Они напоминали расположившееся на отдых стадо каких-то причудливых, фантастических животных, но лишь до той поры, пока за хребта не приходили черные, низкие тучи попеременно с туманом. Тогда оставались только контуры и серая мгла.

В таком минута Лифанов становился неразговорчивым, ходил по заставе, недобро поглядывая на линию сопок, назавшихся мрачными, полными неизвестности. Настроение начальника заставы мгновенно передавалось подчиненным.

За сопками — граница, дальше — территория сопредельного государства. На памяти старшего лейтенанта Лифанова почти не было случаев, когда люди, пытавшиеся перейти границу, выбирали бы ясный день. Поэтому он не любил туманы, это у него профессиональное. Давать лет отдавший границе, Лифанов чувствует ее, как летчик высоту.

Он обстоятелен. Во всем, даже в поезде. Любит порядок, Бережки,

но не мелочен, прекрасно знает психологию солдат и очень заботлив о них. И еще по-человечески справедлив, никогда не ругает соратца, не разобравшись. Если видишь что-то не по-дущее, он скажет напрямки. Таков он и подчиненным, таков с начальством. Застава содержится в безукоризненном порядке, в таком же порядке границы: инженерные сооружения, учебный комплекс, все технические устройства. Хозяйство Лифанова и в прежние годы было на хорошем счету в округе, а по итогам последней проверки заставу объявили отличной. Уверен, что в большой степени это заслуга Николая Ивановича Лифанова.

Его заместитель по политической части лейтенант Геннадий Макаров совсем молод, как и полагается недавнему выпускнику пограничника, несколько застенчив и горчак, как истый юманин. Потомственный пограничник, он родился и вырос в Средней Азии, мальчишкой очутившись с отцом с заставы на заставу, не зная никаких иных игр, кроме «пограничников и шпионов». Отец его ушел в за-

пас, оставив на границе вместо себя двух сыновей. Геннадий считает, что ему здорово повезло: попасть на заставу, где начальником Лифанов, хотел бы каждой молодой офицер, когда-либо слышавший о нем.

Вокруг нас на многие километры нет человеческого жилья. И потому люди на заставе все на виду, всегда вместе, у каждого свои обязанности от других обязанности, свое чувство границы, но одна общая ответственность. Очень высокая ответственность за покой своей Родины. Потому что, хотя за стигной пограничников вся страна, впереди нет никого, они первые.

ЛЮДИ НА ПОЛОТНЕ

Дорога металлическим венцом тянется вдоль сопки; на одном из участков она идет близ границы. Есть такие, кто пытается этим воспользоваться.

«Нам не очень повезло: застали Любу Савино — диспетчера железнодорожного разъезда — в хмуром настроении. Принимать выскать не

ПОГРАНИЧНЫЙ ФОРПОСТ.

стали. Любе девятнадцать, а в этом возрасте свои проблемы. Макаров подмигнул нам: «Ответь, — и, вытаскив из кармана крохотный голубоватый цветочек (где он его взял в горлой степи, загадка), преподнес Любе. И при этом сказал, что предназначен он единственной и самой красивой девушкой на их пограничном участке. Лейтенант ни в чем не преувеличивал.

Постепенно Люба оттаяла, но права не «какое-то там геройство» за собой так и не признала: «Ну, увидела постороннего, пошла позvonила на заставу». Последний раз это случилось незадолго до нашего приезда.

...Вечером Люба вышла встречать товарный. У разъезда длинный таже-лый поезд сбросил скорость и мягко

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ: ОТДЕЛЕНИЕ В ОБОРОНЕ.

ТРЕВОЖНАЯ ГРУППА ВЕДЕТ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.

затормозил. Знакомый машинист махнул рукой и крикнул что-то, что всегда кричат таким девушкам. Она хотела ему ответить, но не успела. Человеческая тень упала с подножия виа и потерялась за платформой. В голове мелькнуло: «Если это кто-то из сопровождающих, то зачем ему скрывать, поезд уже трогается!» Она крикнула машинисту «Стоять!» и побежала к будке. Справа на столе телефонный аппарат. Трубку взял Макаров.

— Геннадий Николаевич, товарищ лейтенант, на разъезде чужой! — Она положила трубку и не слышала, как Макаров крикнул дежурному «тревожную группу на выезд».

Обойдя состав, Люба снова заметила, как чей-то силуэт метнулся в просвете между платформами. Стало немного мутновато, но она все же пошла неторопливой походкой к теплодвору, чтобы объяснить машинисту причину задержки. А когда вернулась и будку, у насли авантюристу тормоза «газачья» — Макаров, сержант Лошakov со своим Жантом и еще трое выскочили из машины. Жант заскрек котлями по гальке на-сплы.

— Где? — спросил Макаров на ходу. Лоба показала рукой в хвост товарного.

— Лошаков со мной, двое на ту сторону, Семенцов прикрывает.

Через две платформы Жант рванул повод. Макаров полосу лучом фонаря адоль поволот. Кто-то впереди бросился бежать вниз к полю.

— Стой!

Дальше было нетрудно. Окруженный со всех сторон пограничниками набитый мужики в мятом пальто подлял руки к лицу и попросил держать поврелче собаку.

Вспоминя об этом случае, Лифанов заметил, что, конечно, и без помощи Лобы нарушителя все равно задержали бы, однако так оно вернее и хлопот меньше. Рисковала ли Савенко! Да, на подобный риск на-

столько естествен здесь, что она никогда не призналась бы в этом даже себе. Не знаю, встретились ли мы с Лобой когда-нибудь в других обстоятельствах, но в этих она невольно вызывала в нас чувство уважения и себе. Трудно быть единственной девушкой вблизи от границы, одной выходить ночью к поездам и знать, что мужики, готовые тебя защитить, не так близко, как хотелось бы.

«ПОСВЕТИТЕ СОСЕДЯМ»

Дорога до прожекторного дальняя, и Геннадий, взявшись не давать нам скучать, рассказывал по пути всякие пограничные истории. Чего-чего, а ик-то у меня в блокноте набралось предостаточно.

Особенно нравилась Макарову ис-

ЖАНТ ПРИНИМАЕТ УХАЖИВАНИЯ ТОЛЬКО ОТ СВОЕГО ХОЗЯИНА.

тория об одном офицере, на которого напал барс. Офицер этот вышел из скватни победителем, но потом полтора месяца отлеживался в госпитале. Рассказывая, Геннадий поглядывал на наши лица. Мы, подыгрывая ему, громко восклицали, но страшно, конечно же, не испытывая: как-никак мы сидим в автомобиле, а сирепый зверь ходит гад-то далеко в горах. Но через несколько дней, увидев на снегу своей след огромный дала, я, честно говоря, почувствовал себя не очень уютно. Барс шел к границе параллельно следам небольшого стада архаров. Он охотился. Первое, о чем я тогда подумал,—

риск, которому подвергаются пограничники, каждую ночь уходя в горы. Они рискуют не только встретиться с голодным зверем: неосторожный шаг в сторону от тропы — и подошвы скользят по обледенелому слою сосны. Не успев удержаться, молчишь, чтобы остаться живым, там внизу — острые каменные зубья, словно гигантская дьявольская расческа, на которую смотреть и то страшно. Особенно трудно здесь новичкам.

Как-то младший сержант Александр Малинин, вспоминая о своем первом наряде, сказал мне, что он перешел в ту ночь столяр, едь, сколько потом за все службу. Малинини, тогда еще рядовой, был вместе с младшим сержантом Владимиром Назарько. Он запомнил этот день — 5 февраля. Когда, говоря пограничным языком, они выдвинулись на заданный участок, Александру начало казаться, что за каждым камнем прячется нарушитель. Его била дрожь, он то и дело хватался за автомат. Когда справа раздался шорох, Малинини, крикнув «стой!», бросился в ту сторону. Оказалось, шакал...

— Так дело не пойдет, — сказал ему Назарько, — ты весь на нервах. Постарайся взять себя в руки.

Александр постарался, но в течение дежурства он раз десять докладывал лежащему неподалеку от него младшему сержанту, что слышит чьи-то шаги или покашливание. Через это на заставе проходит каждый. Вскоре на смену такой вот чрезмерной подозрительности приходят уверенность в себе, определенные знания пограничного дела.

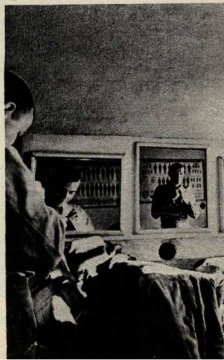
Изменился и Малинини. Через год с небольшим он стал опытным вожатым служебной собаки, несколько раз вместе со своим Джульбарсом участвовал в задержаниях нарушителей и сам стал учить других. Но чувство ответственности, с которым он впервые ушел в пограничный наряд, не притушилось.

...Длинный голубой луч описал над степью дугу и скользнул по дороге впереди нас, ушел в сторону.

— Заметили, — с некоторым разочарованием в голосе сказал Макаров. — Сколько ни пытался заставить прожектористов врасплох, пустой номер.

О командире прожектористов сержанте Сергее Лыове я слышал еще от начальника подотряда отряда подполковника Ваганова. Обладая на редкость послушной и широкой памятью, Ваганов знал почти каждого солдата отряда по имени, знал, что у него дома, как он служил.

— Отличный пограничник, коммунист. Разговаривавши с ним и чувствуешь, что перед тобой специалист, сочетающий высокую квалификацию со способностью мгновенно оценивать обстановку. В каждом его слове,

двиганию — уверенность, точность, логика. И при этом необыкновенно эрудирован в самых разных областях...

Понятно, что после такой характеристики опытного офицера я ждал первого же случая познакомиться со Львовым.

Сергей рассказывал о службе прожектористов просто и уважительно. Терпеливо объяснял смысл тех или иных терминов и слегка подшучивал над моим стремлением докопаться до сути.

Расчет, которым командует Львов, один из лучших. Прожектористы не только прекрасно владеют своей воинской специальностью, они все до одного отличные стрелки и спортсмены. Рядом стоит турник, и каждый, проходя мимо, считает величину неслыхно раз подтянутых или критично «сcolди». Львов авторитетно объяснил, что это бодрит.

Наш разговор с Сергеем деликатно прервал эфрейтор Михайлов.

— Через минуту поезд, товарищ сержант. Сами проведаете? Львов кинул и вышел.

Щелкнув тумблером, Василий Дабина включил генератор — прожектор уперся лучом в небольшой холм, а затем, повиновшись воле людей, зажег светом степь далеко впереди.

...В тот вечер «на луче» были рядом Ворона и Гордеев. В 20 часов 30 минут на пост позвонил Лифанов и сказал, что наряд соседней погранзаставы заметил двоих неизвестных. Те успели залечь и скрыться в зарослях выгорающей травы.

— Посветите соседям, — распорядился начальник.

Гордеев посмотрел на Владимира Ворону, тот служил всего несколько месяцев, и сказал: «Спокойно, соберись, прикинй поточнее, где у них те самые заросли, чтобы дать луч прямо туда. Понял?» Владимир сказал, что понял, и, включив дугу на полную мощность, дал луч точно. Через несколько секунд, они нашли лучом две фигуры. Нарушители прижались к земле. Владимир продолжал держать их в луче. Тревожная группа во главе с начальником соседней заставы, ориентируясь на свет прожектора, быстро обнаруживая неизвестных. Позвонив на прожекторный, Лифанов передал пограничникам благодарность за точный луч от начальника соседней заставы и от себя лично.

В одну из темных ночей прошлого года прожектористы засекли неизвестного, спрыгнувшего на ходу с поезда. Демурил Львов. Сергей взял его в луч и доложил на заставу. Неизвестный пытался скрыться, но сержант ни на мгновение не терял его из вида, что было совсем не просто: через несколько минут пограничный наряд задержал нарушителя.

НА АППЕТИТ ЗДЕСЬ НИКТО НЕ ЖАЛУЕТСЯ.

ПЕРЕД ЗАСТУПЛЕНЕМ В НАРЯД.

Замечательная спаянность, высокое товарищество помогают этим ребятам отлично справляться со своим делом. И не только со своим. Каждый воин расчета может заменить товарища, ибо каждый владеет минимумом тремя специальностями. Сергей, к примеру, не только электрик высокой квалификации, но и водитель, механик, начальник прожектора. Его помощник эфрейтор Валерий Михайлов — электрик, прожекторист, связист, водитель.

Как-то в дежурство Ворона на прожекторе сорвал баллистный реостат. До начала работы оставалось три-

дцать минут, заменить реостат за это время мог лишь специалист. Но Ворона, много раз наблюдавшая за работой Львова, рискнул. С помощью Василия Дабина он снял и разобрал реостат, заменил пластины, а потом водворил все на свое место. И голубой луч вспыхнул, когда это было нужно.

КРАСНОЕ ЧИСЛО БОРИСА ДИЗЯРЯ

Нанануне вечером он старательно глядел китель и брюки, особым способом чистил пуговицы. Завтра его, радového Бориса Дизяря, должны были принимать кандидатом в члены партии.

Утром Макаров с полчаска погонял Дизяря по Уставу, устроил тщательный осмотр его внешнему виду, и

только после этого они сели в машину и поехали в отряд, где в тот день назначено было собрание. Макаров потом рассказывал, что вопросов Борису было немного — парня в отряде знали, и держался он, в общем, молодцом.

У Дизяря подход ко всему свой, любов дело, за которое он брался, прежде основательно изучит, понитерсует, как другие с ним управятся. Вышли они вместе с командиром отделения младшим сержантом Сергеем Тараченко к заставе. Вдруг Борн на тропе разглядел чей-то след и говорит: «Лочынь, про чловека, который здесь прошая, расскажу!» Тот соглашается — попорубь.

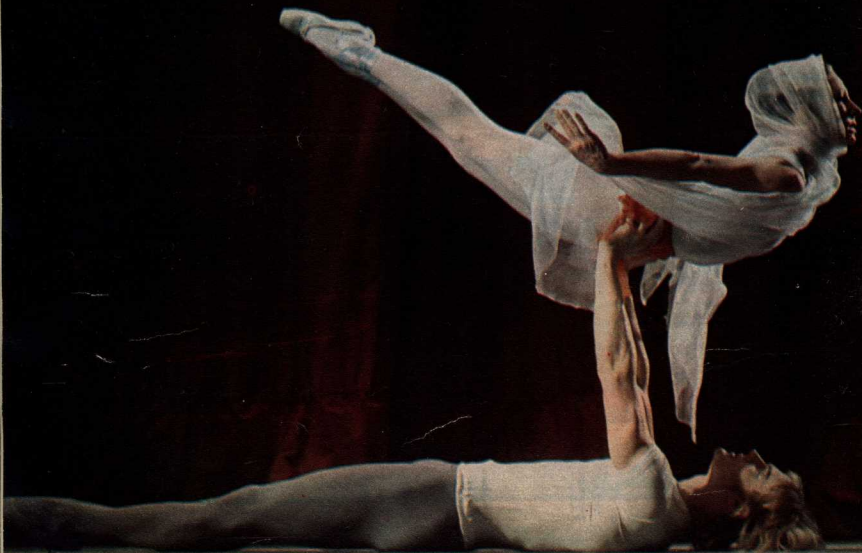
— Рост его примерно сто семьдесят, вес чуть ниже нормы, он молод, физически хорошо развит, немного косоплтит. Человек явно горюпится,

XVII съезду ВЛКСМ
посвящается

Борис ЛАВРЕНЮК,
Мирослав МУРАЗОВ [фото]

МИНУТЫ ОЗАРЕННОСТИ

«ЖИЗНЬ — ЦЕПОЧКА ОТКРЫТИЙ, И НАЧАЛО ЕЕ — ЭТО ВЫБОР ДОРОГИ.

Ты ПРИДЕШЬ, ЧАС ИСКАНИИ, ты НАСТУПИШЬ НЕОТВЕТНОСТЬ РЕШЕНИЯ, И ОТПРАВИШЬ МОЛОДОСТЬ В ПУТЬ ОТКРЫВАТЬ НОВЫЙ КРАЙ, СЛУШАТЬ НОВЫЕ РИТМЫ ЭПОХИ. ДОБАВЯЯ ЗАРЮ, МОЛОДЫЕ ОТКРОУТ СЕБЯ».

Этими словами начинается новый одноактный балет «Озаренности» на музыку Александры Пахмутовой, поставленный в Большом театре. Да, он начинается не с музыки: много оркестрового ступения мы слышим голос поэта Николая Добронравова, читающего свои стихи. И эти строки, их смысл определяют характер танца главных героев. Дуэт в ис-

можностей, правильности выбранного пути. Большинство из участников спектакля — недавние выпускники хореографического училища, первый или второй сезон работающие в Большом театре. Их не мог не увлечь пример Нины Сорокиной и Александра Годунова, на которых лежала особая ответственность — и за повседневную работу в ведущих партиях своего основного репертуара и за судьбу «Озаренности», где они были единственными исполнителями главных ролей.

«КАЖДЫЙ ХОЧЕТ БЫТЬ ПЕРВЫМ — В РАБОТЕ, В ЛЮБВИ, В ПЕРЕПЛАСЕ. НЕУТВЯЗНО И ДЕРЗКО ЗВУЧИТ, КАК ВЕСЕННИЕ КАПЛИ ДОЖДЯ: КТО КОГО! КТО КОГО! КТО КОГО!» ДИКОВАТЫЕ РЕКИ СМОЛНСТОГО

КОЛДОВСКИЕ ГЛАЗА ЭТИХ РЫЖИХ ТАЕННЫХ ТАНЦОРОВ... ЧТО ПРИГРЕЗИЛОСЬ НЫНЧЕ ТЕБЕ! МОЖЕТ, ОБРАЗ ДАЛЕКОГО ЛЮБИМОГО!»

Эти строки поэт Николай Добронравов написал, бывшая на репетициях спектакля. Таким образом, танец стал импульсом поэтического творчества, а затем строки стихов с той же эмоциональной силой воздействовали на непосредственных создателей спектакля. Возник эффект обратной связи, характерный для большого искусства, и какой бы сфера оно ни принадлежало. Это было предопределено тем, что в основе балета лежала яркая музыка Александры Пахмутовой — ее Концерт для симфонического оркестра, дополненный по просьбе Балетмейстеров Большим лирическим

полнении Нины Сорокиной и Александра Годунова — завязка действия, следующие сцены, как они были озвучены в репетиционной плавной балетмейстер-постановщиком, — «Сбор в дорогу», «Перепласс», «Путешествие, к» кроста», «Размышление героя», «Воспоминание героя и труда».

Балет «Озаренности» обрели своим появлением этноязыком большого коллектива. Каждый раз, когда рождается новый спектакль, в театре возникает ансамбль единомышленников, причастных к сотворению еще одного произведения искусства: они объединены общим настроением, общей целью, общими заботами. Рабочее название этой постановки — «Космо-мольская строка». Осуществляя ее, балетмейстеры Наталья Рыженко и Виктор Смирнов-Голованов хотели выразить свое восхищение советской молодежью, ее трудовыми подвигами.

Исполнители готовили этот спектакль в свободное время, в перерывах между обязательными уроками, репетициями и выступлениями. Конечно, не все стартовавшие пришли к финишу, у кого-то не хватило сил и внутренней дисциплины, кто-то зарождался в успехе. Право на премьеру получили самые упорные, самые заинтересованные, самые настойчивые. «Озаренности» была для них не только школой мастерства, но и хорошей проверкой сил и воз-

ХМУРОГО КРАЯ, ПРИЛАСКАЙТЕ РЕБАТ! ВЫ-ТО ЗНАЕТЕ: ТРУДНОСТИ, БОЛЬ И БОРЬБА — ВПЕРЕДИ! А ПО-КА... ТИХО ЛЮДИ ПЛЫВУТ В СИМВУ. ЮНЫМ КАЖЕТСЯ: ВСЕ НА ПЛАНЕТЕ ВОЗМОЖНО.

ВПРОЧЕМ, РАЗВЕ НЕ В ЭТОМ ПЕРВЫХАЯ ЮНОСТИ СИЛА — ВЕРТЬ В ТО, ЧТО ДЫХАЕМ СТОРЕШЬ ПРОМЕРЗШИЕ НЕДРА, ЧТО НЕ СПИЧКАМИ — ПЕСНЕЙ ЗАЛОЖЕШЬ СРЕДЬ ВЫСОКИХ МЕТЕЛЕЙ КОСТРЫ!»

Нина Сорокина накануне премьеры дебютировала в балете «Каменный цветок» Сергея Прокофьева, выступив в партии Хозяйки Медной горы. На следующий день зрители увидели ее уже в «Озаренности». Станцевать подража да разноплановых спектаклей позволили замечательные артистические данные, отличная физическая форма и, конечно, опыт. Нина Сорокина не в первый раз создает на сцене образ современницы. Достаточно вспомнить хотя бы спектакль «Геология» Николая Каретинкина, где она исполнила одну из центральных партий.

А вот для Александра Годунова «Озаренности» — первая встреча с современным героем. После «Лебединого озера», «Дон-Кихота», «Анны Карениной», «Кармен-ситыла» он в «Озаренности» показал на сцене образ молодого вожака, привлекающего своей искренностью, убежденностью, чистотой.

«ТЫ ВГЛЯДИСЬ, ТЫ ВГЛЯДИСЬ В

даждю. Сочинение Пахмутовой захватило хореографов своей свежестью, мелодичностью, манящей интонацией. А никто чужое решение ни помог не только сценический опыт, но и личные впечатления от встречи со смелыми и мужественными людьми, преобразившими сибирский край, — нефтяниками Тюменской области, студентами и учеными Новосибирского академгородка.

«ДАЙ, ЛЮБИВАЯ, ДАЙ МНЕ УВИДЕТЬ ТЕРЯ, ПРИПЕТИ ХОТЬ ПИСЬМОМ, ХОТЬ ВИДЕНЬЕМ, ХОТЬ ХРУПКОМ НАДЕЖДОЙ. ДАЙ МНЕ КРЫЛЬЯ ПРОВЕРИТЬ СЕБЯ, ДАЙ МНЕ МУДРОСТЬ ПОВЕРИТЬ СЕБЕ И ПОНИМЬ: ВСЕ, ЧТО КАЖЕТСЯ ЗЫБИМЫМ СЕЙЧАС, ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ВЕЩЕ, ВЕЧНОЕ И СТАНОВИТСЯ СТРОИКОМ, СОЛНЦЕМ, БОГАТСТВОМ СТРАНЫ.

ТАМ, ВДАЛИ, ЗА ГОДАМИ ИСКАНИИ НАЧИНАЕТ ПУЛЬСИРОВАТЬ СВЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ ЭТО ПЕРВЫЕ ЗОРИ СВОИ ОУДАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ЗЕНСКАЯ ТЭС, МОЖЕТ БЫТЬ, ЗА НЕУСЫСНЫ, ЕЩЕ ГОРМЗОНТОМ ЭТО ВСПЫСНУЛИ НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ ВАЛЛЕТА...»

Всего 20 минут идет новый балет, но запоминается он надолго. Нет сомнения, что «Озаренности» — это, безусловно, большая удача молодых артистов, посветивших свою работу XVII съезду ВЛКСМ и 50-летию комсомольской организации Большого театра.

ода два завода влились соседями за станками в крутильню кафе Берлинской телебашни оказалась именно внешне не примечательная пара. Они представились, и вскоре завязался неформальный разговор. Командир отрядского саперного батальона в прошлом, ныне комиссар из западгосгерманского города Ауцбург с прелюдией приехал в Берлин по делу. Он не премудро сразу сообщил мне, что отряд представлен в штаб. Командир русских не участвовал, его батальон занимался минированием прифронтовой полосы, а при отступлении кривая дорога, мосты и тому подобные стратегические объекты.

— И цыганки? спросил я.

— Школы тоже... последовал ответ,— если в них могли быть оборудованы казармы.

Узнав, что я воевал под Ленинградом, он воскликнул:

— О, терп кауцтман, так мы воевали с вами на одном фронте!

Я не успел ответить на эту реплику. Меня опередил фруер.

— Ты неудачно соотрига, Густав,— обормота она его.— С русскими мы никогда не были на одном фронте... И вообще довольно плохо, господа! Мы мирные комиссары, да и вы, я вижу, тоже. Но давно носите фуражки. Не полагается ли говорить о сегодняшних заботах и радостях?

Мы пили кофе с коньяком, смотрели, как медленно, вроде бы нехотя, кружится вокруг нас Берлин, поворачиваясь по западной до восточной стороне, обмениваясь общими фразами о देशных, общих, об удобствах восточного быта, о том, как растут дети и внуки. И все-таки мы опять вернулись к войне. Экс-подполковник, пестростер в сторону Третьей армии, в котором устоялась статута советского воина-освободителя, заметил:

— Все равно война между нами была неизбежна. Если бы фруер в июне 41-го не перешел границу, то мы бы перешли ее сами. И война... Я возражал. Приводил объективные факты и данные, ссылался на различные исторические документы, материалы Нюрнбергского процесса, вспоминал «План Барбаросса»... Но мой собеседник скептически улыбался: «Короче, победитель всегда сумеет доказать вину побежденного. Вот если бы было наоборот...»

Испервая все аргументы, в спорах у своего соседа должна явиться «идея», которая готовится захватить, подумает о карьерах военных переводчиков: ведь предстоит работа не только с левыми, но и с несомненно правой страной.

Слова фруера и Берлинского ответ.

— Так вот,— сказал я,— в войсковых частях и соединениях Красной Армии виллод до самого начала войны не было даже такой специализации: военной переводчик был родоколом офицера.

— Откуда вам это известно? спросил я один голос тер и его фруа.

— Из собственной военной биографии. Я как раз принадлежал к одному из самых первых отрядов военных переводчиков 1941 года.

Я не уверен, что ауцбургский комиссар до конца поверил в то, что я ем раскулака. Но все-таки, думаю, разговор был не напрасным. О нескольких людях, чья работа переводчиков, есть работа представляется чуть ли не работой по умолчанию. Преле галами стоит нынешний, телеэкраный, наделавший выходящим языком переводчик с спиной высокого роста и без значков переводнической вышивки, «чужд и обратно».

Нет, тогда все было не так.

— У нас в московской школе № 71, расположенной в одном из арбских переулков, преподавали несколько языков в области, в том числе и иностранного мы могли вывести из средней школы и даже языка, если он не «языковой»? Поэтому, когда в августе 1941 года мы, группа вчерашних переводчиков, вернулись в Москву под Смоленска, где работали на строительстве оборонительных сооружений, то меньше всего думали о работе военных переводчиков. Я и мой друг: Жез Анявьев, Жезн Кашинков, Миша Давыдов (Жез тогда был в имени божьего, Давыдов пошел в Киевский райком комсомола с просьбой направить нас в действующую армию. Сначала нам отказали, 1923 год не признавали. И ввиду дедушки, секретаря райкома, спрашивали у нас: «А как насчет немецкого языка? Какие оценки были в школе?» В общем, оказалось спасибо у божьих Жезов и у Мишиного отца. У меня— «хоро».

Тут же ламы нам направили нас на курсы военных переводчиков, только что организованные при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков.

Полностью документальная повесть «Языки и войны» публикуется в альманахе ЦК ВЛКСМ «Подвиг».

Мы не хотели быть переводчиками. Это казалось нам недостойным занятием, профессией чисто тыловой. А мы врывались на фронт. Туа, у турку сражались!

— Ничего,— утешал нас по дороге Жеза Анявьев,— все равно при первом же знакомстве с нашими немцами нас вытолкуют в штык.

Потому мы довольно смело предстали перед русскими начальством. Помню, что отборную беседу провел с нами тогда Пернарлов (именем один из крупнейших специалистов в области военного перевода, автор многих книг). От него мы услышали безжалостный приговор: «Годятся!» Через несколько дней, приняв военную присягу, мы приступили к занятиям.

В сентябре и начале октября 1941 года известия с фронта становились все тревожнее. Мы ждали, что не сегодня-завтра нас отправят на передовую. И были к этому готовы. С утра до вечера мы занимались не только языком, но и боевой подготовкой: изучали приемы боя с танками, тактику рукожного боя, азы фронтового разведки. Естественно, четкой программы занятий не было и быть не могло. Курсы создали в самое тяжелое время. Многие из того, что нам потом приходилось на практике, мы не проходили и в то же время тратили массу времени на совершенно ненужные вещи. Помню, например, что мы очень подробно изучали азы разведки по тематикам, тактику рукожного боя, азы фронтового разведки. За всю войну я ни разу не встретил ни одного парадного тематика.

Вскоре нас одели в военную форму и в начале октября мы выехали на казарменное поселение. Вспоминаю, как в первый же вечер к воротам Спасской казармы пришла моя мама. На следующий день она должна была эвакуироваться с мо-

Иммануил ЛЕВИН, юннатин эвара

им семилетним братом (отец в ту пору был уже на фронте). Мама принесла мои альбомные фотографии с капсюлет и большую пуховую подушку. Когда я пытался вернуть ей подушку, она сказала: «Все равно, оставь ее здесь. Пусть она на ней будет спать другой солдат. Чужой хорошо освещать, надо хорошо освещать...»

Через несколько дней мы покинули Спасские казармы. Это было 12 октября. В Москве мела метель, слышался шум танков. Наши курсы разместились на пароходах в Южном речном порту. Преподаватели — каюты, курсанты — в трюмы, из которых еще не вытравлены запах рыбы. Потом мы дедамо недалеко плавали до Староволок на Волге (ныне Тольятти).

Пальт куда-то в тыл, когда под Москвой решается судьба Родины, было невероятно трудно. Но мы уже носили форму и обязаны были подчиняться приказу.

Итак, мы в Староволок, старинном русском купеческом городке. Администрация и руководство курсов, студенты 2-го МТИИП, размещались в курсовом общежитии в нескольких километрах от родка, а мы, курсанты, — в маленких частных домиках поотделанно в каждом.

В конце ноября на фронт отоваривался первый отряд восточных переводчиков. Оставалось в него и мы. Выбрали, сколько мы учились. Получилось, что немногим более двух месяцев. Языка, конечно, за это время мы не постигли, но все-таки время не прошло даром: неплохо усвоили структуру алфавита, получили представление о военной терминологии и военном деле.

Итак, в последний день нас построили, зачитали приказ о приписании каждому звания техника-пехотника второго ранга. Затем приступили к выводу из Москвы. Клубы, где находимся в то время Управление кадров Красной Армии, а отуда попутными грузовыми и санитарными поездками в прифронтовую Москву.

В дороге мы получили несколько переводчиков были на время прикомандированы к оперативной группе разведуправления Ставки. Случилось так, что буквально на второй день нам услышу шефу-генералу

позволил из Ставки и потребовал немедленно направить переводчика для опроса плененных немецких летчиков, сбитах под Москвой. Насколько мне известно, это был первый случай пленения летчиков, бомбивших Москву. Вероятно, иначе им не стали бы специально посвящать большую газетную корреспонденцию. Она была опубликована в «Московском болельщике» 2 декабря 1941 года. Недавно я перечитал ее. Она написана очень эмоционально, полна гнева и презрения к воздушным бандитам. Но если внимательно читать в ней, то нетрудно увидеть, что фактически своего материала в ней крайне мало. Знание, имя и возраст летчиков да еще упоминание о Греции, где один из пилотов заработал свой «железный крест». Правда, в заметке было сказано, что плененные летчики «изображаются, но отнюдь генерально правду. И заканчивается сообщение словами: «допрос продолжается». Ее автор следовало бы написать «допрос начнется», потому что летчикам было бы еще допросить. Они просто не позволили вопросов. Так, например, в течение часа несколько генералов Ставки безуспешно пытались выяснить у пленных дислокацию, боевой состав и задачи их воздушной эскадрильи. Но всякий раз, когда переводчик произносил слово «шварцшварц», пленные испуганно перелетывали и молча покидали плацдарм. Дело в том, что такого слова в немецком языке нет. Эскадрилья — это «тепелавлер» для авиации. Они просто не позволили. Это понимал и допрашивавший. Во всяком случае, автор «шварцшварц» от дальнейшей работы в Ставке освободился. Им был я.

И считаю, что после первого печального опыта мой карьера военного переводчика закончилась. Но нужда была настолько велика, что даже мои весьма иллюзорные знания языка оказались не-

обходимыми. Так, в декабре 1941 года я оказался на Волховском фронте и уже в январе 42-го принял боевое крещение в должности военного переводчика 13-го кавалерийского корпуса. Он шел на острие 2-й Ударной армии в прорыве через реку Волхов в направлении на Ленинград. Это была первая попытка прорвать блокаду.

Память людей до сих пор хранит имена героев тех далеких сражений. Вблизи лесного посёлка Рабочинского, Тосненского района, есть место, называемое в народе «Гусев лагерь». Именно здесь стояла в суровую зиму 1942 года штаб нашего 13-го кавалерийского, которым командовал генерал Николай Иваныч Гусев.

Я запомнил первую встречу с ним на всю жизнь. Он был коренаст, внешне суров и несбычаво мягок душой. За его спиной была гражданская война, ранения, солдаты ужалали его. Я ведь провела в армии и тылу, и доложка, что языком не знаю и к переводческой работе непригоден. Генерал внимательно выслушал, покачал головой и переспросил:

— Значит, языком не владеешь?

— Так точно. Разрешите идти?

— Да, иди. Иди и учись. И запомни, слышь, чем лучше ты будешь знать язык, тем меньше будет у меня потерь. А заместить во вражеском языке ты не сможешь.

И я учил, учил язык невашиного языка. Учил в лесоды (кстати, тогда я впервые в жизни сел на лошадь и конные рейды были для меня тоже не простым испытанием), учил у костров, в перерывах между боями.

Известно, как много важного можно попернуть из солдатских писем. Тут сведения о настроениях в отрядах, о настроениях в подразделениях, о настроениях в подразделениях и данные о войне. Но вот несчастье: почти все они были выписаны, вроде бы не по-иностранному. Дело в том, что в Германском государстве не было ни одного немецкого шрифта. При этом письменная готика была совершенно не похожа не только на латинский шрифт, но даже на печатную книжную го-

туля. Пришлось с помощью плененных стенов овладеть письменной грамотой.

В еще больший тулук ставили меня исковерканные названия наших городов. Допустим, еще можно кое-как догадаться, что Эмта — это Мга. Но по-пробуй расшифровать название такого городка как Пескуа. А это было очень важно, так как по всем данным там находился штаб северной группы войск. Долго я бился над расшифровкой этого названия, пока в наши руки не попала трофейная карта. Пескуа оказался нашим древним Псковом.

И это далеко не единственный случай словесной путаницы.

Фрунцовские знают цену «языкам»: особенно ценят крупное наступление, когда не только итальянцы замислы противника, но даже уточнить огневую систему и характер укреплений, проверить агентурные данные о перемещениях вражеских частей «Благодаря в таких случаях добывали любой ценой, не считаясь с потерями. Разными бывают пленные. От переводчика зависит многое. Он обязан разговаривать любого «языка» — трусливого, угодливого, забитого, тулого, наивного, кадраго военного и новобранца, эсэсовца и ополченца... В каждом случае необходим свой подход, своя «тональность» вопроса. Надо безбоязненно определять: где вражье, где хвостовое, где созвучная дезинформация. Каждый вопрос — это психологический поединок с врагом, подобно головоломной шахматной задаче, в котором ты не имеешь права проигрывать. Потому что это не твой личный проигрыш.

В конце 1944 года под Нарвой готовилось большое наступление войск 2-й Ударной армии, которой командовал Герой Советского Союза, иже генерал армии, И. И. Федюнинский. И вот на-

стоятельно пригласывает к себе один из пленных: — Он кто, парень?

— Никак нет. Всех раненых и больных мы уже отравили в госпиталь.

«Значит, одно из двух», — решил я, — либо сумасшедший либо фельдмаршал. Никакого другого пленный не осмелел бы вызывать к себе советского офицера».

Я вошел в полуоткрытый сарай, когда пленные, уже после, устранившись на выдохе, — было слышно — дожидались. При моем появлении немецкий офицер скончаловал «встать», все вскочили и замерли по стойке «смирно». И тут в противоположном углу сарая я увидел необычную картину: в большом старинном кресле, некогда как попавшем сюда, восседал человек в немецкой форме, а за его спиной выдвигался фигура другого военого. Человек в кресле продолжал сидеть.

Каково же было мое удивление и, естественно, возмущение, когда, подняв голову, увидел на сиденье погони обер-лейтенанта. Не успев я выразить свои чувства по этому поводу, как офицер приподнялся и величественно протянул мне руку. Я ожидал все, что угодно, но только не этого. И, совершив забытый с толку, что ты не пожал эту руку. Тут газированная чашка (по логотипу утер-офицер), стоявший рядом кресла. Он торжественно произнес, что меня приветствует его светлость, возмущение, давай развал восмемлетники на владыка кресла. Я не запомнил имени этого высокого, амещегого господина в чине обер-лейтенанта. Запомнил лишь наш дальнейший разговор.

«Господи офицер» — сказал он, — вы уже знаете, что имя королевской крови. Согласно освещенному веками этикету мне даже в военных условиях положена отдельная комната и прислуга.

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

— Да! нас, господами герцоги, — ответила я, — мы не лично королевской крови, а племенной обер-лейтенант вермахта. Располагайтесь здесь, как и другие. Кресло убраться, — приказал я своим солдатам и направился к выходу.

«Господи капитан», — услышала я голос герцога, — оставьте мне хоть кресло! Как родственнику!

Все это начинало смыхивать на оперетку. Но его светлость все обстоятельно объяснил. Выходящим, что один из его теток была родной сестрой Марии Федоровны, матери Николая II. Словом, последний русский царь приходился кузеному моему собабинку.

«Статьи записка описание своего генеалогического древа обер-лейтенант», — именно по родственным соображениям я отказался воевать в действующей армии и всю войну находился в тыловых частях.

Я не уверен, что именно по этим соображениям герцог находился в тылу. Но это было правдой. Лицо королевской крови работало по снабжению, что подтверждалось документами. Я усмехнулся и захватил рукой. И «родственников» как на троне, дрома кресле до общего подьема.

Не только вопросы и разбор документов входили в обязанности военных переводчиков. С радиоперехватчиками мы выходили на передовую линию (иногда даже) подслушивать переговоры командиров немецких подразделений, а во время влетов авиации — доносения летчиков, которые они обычно давали открытым текстом. На моих глазах бывало много раз тулук чудесные ребята, Ленинградские студенты-филологи. Бомба угодила прямо в бляндж, где они сидели со своим аппаратом.

С 1943 года и до конца войны я руководил переводческой службой разведотдела 2-й ударной армии. С радостью и гордостью вспоминаю своих боевых товарищей, военных переводчиков, с которыми прошел от берегов Волхова до Аренбургских городов Германии. Кадровые военные, сдержанные и сильные духом, они не только в чужде трудно было называть. Елена Корчаткина, Ма-

рина Ялова, Армений Гендель, Александр Митяев, георгиевский кавалер, поименный немецкий язык еще в советский период военного плана, инженер Григорий Гилбоз. Все они были отмечены боевыми наградами, многие получили офицерские звания.

В конце войны мне довелось принимать участие в переговорах о капитуляции крупного немецкого гарнизона города Грайфсвальда на совете Германии в ночь на 30 апреля 1945 года (этот эпизод запечатлен в известном пентерном телевизионном фильме «Последние дни войны»). Город сдавался по одномуному роману бывшего военого командента города полковника вермахта П. Петерсхена. Штаб 2-ой Ударной армии находился тогда в двадцати километрах к южне Грайфсвальда. Штурм этого города начался на рассвете. И мы примити за час до начала артиллерийской и авиационной вавлет на Грайфсвальд в расположение наших войск прибывали летчики авиационной группы вермахта. В ней парламентарии во главе с ректором университета профессором Катчем. От имени военого командента полковника Петерсхена они просят принять капитуляцию гарнизона с тем, чтобы избежать кровопролития и разрушения 700-летнего университетского города.

Командиры И. И. Федюнинский капитуляцию принял. Было установлено, что подписание акта состоится днем 30 апреля в ратуше сразу же после того, как в ратуше поступит наша делегация. Однако до этого момента немецкие парламентарии попросили направить вместе с ними в город представителя советского командования, которые подтвердили бы, что капитуляция принята и жители города гарнизона обеспечены продовольствием и одеждой, солдатам и офицерам вермахта — честь и достоинство.

Начальник разведотдела штаба армии полковник П. М. Синегин (через несколько часов он стал первым советским командантом Грайфсвальда, иже генерал, почетный гражданин города) направил вместе с парламентариями меня и двух автомашин. По дороге на окраине города наши автомашинки были обстреляны эсэсовцами. Мы отогнали их автоматы. И благополучно добрались до казарм. На плацу перед строем я сообщил об условиях, на которых советское командование приняло капитуляцию.

После моего выступления последовала команда старших офицеров, и подразделения вермахта по своим помещениям. Оружие было сложено в специальные камеры и закрыто. У ворот остались лишь вооруженная охрана из преданных Петерсхена людей. Там же, в казарме, рядом с городом гарнизона был организован кошацкий из полка наших войсками. Ни одного выстрела в Грайфсвальде сделано не было.

Из казарм той же ночью я поехал на квартиру Петерсхена. Оттуда он повел меня в соседний поутворый город Штральзунд и ввел меня к военому команданту генералом Гаушвандом. Петерсхен сообщил своему соседу о капитуляции и посоветовал сделать то же самое гарнизону Штральзунда. Взяв трубку, я повторил условия советского командования, которые ранее были доведены до сведения грайфсвальдского гарнизона. Генерал Гаушвальд обещал подумать. Однако на следующий день он, не приняв никакого решения, бросил меня одного в Штральзунде. Гарнизон был брошен на произвол судьбы и после небольшого был сдали.

Там, на берегу Балтики, и закончилась для нас война.

Но не кончилась на этом работа военных переводчиков офицеров, и продолжалась тесно с их помощью военная администрация и полнотарии устанавливали контакты с населением, помогали налаживать мирную жизнь, разъясняли политику Советского государства по отношению к новой Германии.

Я часто бывал в Грайфсвальде. И каждый раз вижу разительные перемены во всех областях жизни. Радостно сознавать, что и ты был в числе тех, кто в далекие и трудные годы закладывал фундамент дружбы.

По традиции первокурсники Московского института иностранных языков перебрались в начале этого года у памятника павшим воинам-ополченцам, что установлен у Главного здания на Метропостровской улице, дают клятву. И в эти такие слова: «...своей жизнью и здоровьем я буду защищать воспитанников института, отдавших жизнь в борьбе за нашу социалистическую Родину». И каждый раз, проходя по этой улице, я вспоминаю своих товарищей, военных переводчиков, не вернувшихся с войны и с гордостью думаю о тех, кто и сегодня в строю.

каину объявляется перебежчик в звании утер-офицера. На допрос он заявляет, что коммунист и перешел с важными сведениями. По его словам, на направлении нашего главного удара немцы сосредоточили большое количество военой техники, переброшенной сюда с западных частей, включая мощные, глубоко эшмиронированные укрепления. Сообщение это серьезно насторожило наше командование: если перебежчик не ага, нужно было пересмотреть план наступления, а это требовало времени.

И все-таки он попался. Попался на нумерации полевых точек. Стремлясь нас дезинформировать, гитлеровское штабное начальство снабдило его всеми необходимыми данными, включая даже фамилии командиров подразделений. Но он не угадал, что у нас был список полевых точек почти в каждой частей и соединений немецкой армии, к этому времени наша разведка знала многие секреты противника. Гитлеровцы этого не подозревали. В конце концов «перебежчик» признался, что фашистское командование рассчитывало поймать нас на эту утку и тем самым выиграть время.

Было это в конце марта или начале апреля 1945 года где-то за Одером.

Война близилась к концу. На дорогах все чаще попадались серо-зеленые колонны пленных, которых сопровождали два три наших автомашинки. Порой пленные двигались и вовсе без охраны, во главе таких колонн, как правило, шла старший немецкий офицер с документом, где указывался сборный пункт. Нельзя сказать, что лица пленных выражали отчаяние. Напротив. Многие улыбались, что-то мурлыкали себе под нос. Их можно было понять: они уходили прочь от проигранной войны.

На одном из фольварков, только что захваченном нашими войсками, скопился большая группа пленных солдат и офицеров противника. Поскольку дело было под вечер, решил разместить их до утра в большом сарае. Я решил сделать двенадцать немецких допросов, и для этого мне пришлось — начальники караула и доложили, что мен-

ЛЮКСЕМБУРГ

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ

„ДЕЛОВОЙ РАЙ“

Лихтенштейн. Помню, у нас, юных коллекционеров, почтовая марка этого далекого княжества котировалась необычайно высоко. Он казался таим сказочным, этот Лихтенштейн.

...И вот я в столице Лихтенштейна — Вадуце. По центральной площади сидят туристы с фотокамерами. Американцы, японцы, французы. Очевидно, их тоже привлекала экзотика этого карликового государства.

Что касается карликового, то это точно: полчасца езды на машине — вот и весь Лихтенштейн. А несчет экзотично можно поспорить. От других карликовых стран Лихтенштейн отличается в этом смысле не в лучшую сторону. Здесь нет небесной синицы Сан-Марино, ругельки Монако или памятного старика Андорры. Правда, есть в Лихтенштейне уникальная фаб-

рика, которая делает искусственные зубы из фарфора. Пятьдесят человек производят ежегодно 60 миллионов зубов. Для всех стран мира. В том числе и разноцветные. На любителей.

А в остальном в Лихтенштейне преобладают далеко не экзотические, бурные тона: бурый ландшафт (бурозем), бурый замок на горе, неброская национальная одежда, томе буроватого цвета; фетровые шляпы и узкие штаны мужчин, широкие в сборку платья женщин. Встретить лихтенштейнцев в национальных одеждах можно где-нибудь в дорогом ресторане — местная экзотика для туристов. И еще по праздникам. Тогда исполняются и национальные песни — так называемые «яеделен». Поются они тирольским фольклором.

По праздникам по улицам проносят корзину из цветов. Очевидно, для того, чтобы не забыть: Лихтенштейн — монархия. В 1719 году родовое по-

местье князей Лихтенштейнов провозгласило себя (с высочайшего соизволения германского императора) самостоятельным государством. И с тех пор из поколения в поколение князь-правитель живет со своим многочисленным семейством в буром замке на горе.

Чтобы не отставать от новых веяний эпохи, в 1862 году князь дал стране либеральную конституцию и учредил парламент — ландтаг. Монархия стала конституционной. Как всякий конституционный монарх, князь Лихтенштейн имеет право созвать и роспуска парламенты. Но в отличие от других монархов он не имеет армии. В последний раз Лихтенштейн «вовлекался» в 1866 году во время австро-прусской кампании. Он полностью отблужившая тогда всю свою армию. В составе 80 штыков. В помощь союзной Австрии. Но помочь не успел: Австрия была разгромлена.

Судьба спасла армию Лихтенштейна. А чтобы и впредь не подвергать ее риску, князь и ландтаг приняли мудрое решение: провозгласили постоянное нейтралитет и распустили вооруженные силы. Последний лихтенштейнский солдат мирно пошел в 1928 году. А еще до этого, в 1918 году, Лихтенштейн перешел под покровительство Швейцарии — другой постоянно нейтральной страны.

В качестве суверенного государства Лихтенштейн имеет границы. Но обнаружить их — дело нелегкое. Ни по соседству пограничных будок, ни шлагбаумов. Уверенным, что на границе со Швейцарией стоит щит с указанием: «Фюршентум Лихтенштейн». Каюсь, я его не заметил. Как, впрочем, и в самом Лихтенштейне не заметил особых различий с соседней Швейцарией. Тот же горный ландшафт; те же альпийские пуга с макама, примулами, рододендронами; та

КНЯЖЕСКИЙ ЗАМОК.

СЕЛЬСКИЙ ВИД.

ГОРОД ВАДУЦ.

же герань в окнах домов. Те же банки («Союз швейцарских банков») и те же франки. Вот уже доделаю, так и княжество введена швейцарская денежная система. И таможенная.

Правда, имеются и некоторые серьезные различия: неудобно во всем подражать соседней конфедерации. Референдум 1971 года дал швейцарским женщинам право голоса, Лихтенштейн тоже провел референдум и твердо заявил (голосами мужского пола): нет! И таким образом остался единственным государством Европы, где женщина не голосует. Чем не экзотика!

А ивовые отношения Лихтенштейна с внешним миром! Очень любопытные. Вы не обманушите в Вадуце таблички с наименованием иностранной посылки: тамона (посылка) здесь посылку отсутствуют. Интересы княжества за рубежом представляется все та же Шенцария.

Зато поражают обилие других табличек. С наименованиями иностранных торговых, промышленных и финансовых фирм.

—Обычный вид обшитоенного трезянного дома. По бокам от входных дверей пятнадцать медных табличек: «Дженерал Импорт Экспорт Копланик», «Эроптика», «Перрена,

«Кредит Амштальт», «Электрик энд Пасфин Грдинг Корпорейшн», «Марло Интернейшнэл Лимитед» и тому подобное.

Где же они, умещаюся, все эти ашталты и корпорейшн! Во всяком случае, не в этом доме. И не в Лихтенштейне вообще. Здесь в лучшем случае бюро, а то и просто один таблички. Сам же фирмы спокойно пребывают в Мюстеле, Париже, Мадриде, Милане, Нью-Йорке...

Там, известная «Вестерн Интернейшнэл Грэмдинг Органайзейшн», которая финансировала все операции иезуитов в бывшем Бельгийском Конго, была создана разведывательным управлением Соединенных Штатов с пропиской в Лихтенштейне. Та же прописка и у одной из крупнейших американских финансовых компаний «Вэллс Фарго Экспресс Копланик».

В Лихтенштейне существует около тридцати различных формул для основания иностранных фирм. Упомянутая «Вэллс Фарго...», например, воспользовалась формулой так называемого «домашнего предприятия» («Энцельзельвафт»). Такая формула освобождает от уплаты налогов с чистой прибыли. Следует предполагать, что суммы чистой прибыли компаниями

занимаются. Ведь Лихтенштейн насчитывает 22 тысячи жителей. Включая голландцев, немцев и швейцарцев. Истинно, утверждать неохотно, здесь не менее 25 тысяч. Точные цифры выяснить невозможно. Никто, даже правительственные чиновники, не имеет точные цифры. Это касается не только количества иностранных компаний, но и их прибылей. Остается верить на слово.

В Лихтенштейне уважают деловых людей и не лезут к ним в душу. Деловые люди платят взаимностью. Грив с гербом Лихтенштейна на почтовых конвертах выдают по номинальному значению. В свете сказанного понятно, почему многие фирмы не имеют в княжестве даже собственных бюро. Достаточно иметь там «ящик», табличку или регистрацию в телефонной книге. Время от времени в газетах Европы и Америки появляются предложения о продаже таблички финансового предприятия в Лихтенштейне.

Многие из владельцев лихтенштейнских фирм, сами в княжестве ни разу не бывавшие, секретарши и бухгалтеры почтово-телеграфной переписки и телефонные переговоры. В 1972 году поступления от государственного бюджета составили 67 333 500 швейцарских франков. Из них 7 645 500 швейцарских франков дал почта, телеграф и телефон.

Жители Лихтенштейна любят говорить, что живут в них метрополитен и сплюснута. Так оно и есть. И если все же где-то она кипит, то это именно на почтальне. Сюда беспрерывно подвозят автомашины, из которых выходят молодые люди и молодые женщины — все в строгих деловых костюмах («мужчины при галстуке») — с восторгом корреспонденции для отправки. И выходят из почтового списка такие нагруженные ворохами прибылей корреспонденции.

Кстати, о молодежи. Она здесь тоже в своем деле. Не ушла из молодых людей почти не видно. Они за ноториальными банками, в туристских офисах и в бюро. Все предупредительно, вежливо, услужливо. Но в определенных пределах. Общее сведение — пожалуйста. Точные цифры — извините.

Клод Ю., с которым я беседовал (он просил не публиковать его фамилию), не составил в этом плане исключения. Клоду двадцать пять лет. Он работает в бюросте. Слово «бюрост» родилось в Лихтенштейне. Оно производное от «бюрок» и «госминистра». Бюрост — это госминистр, где люди бизнеса могут получить все необходимое для делового человека, вплоть до секретаря, обладающего знанием нескольких иностранных языков.

Клод знает четыре европейских языка. Жизнь его весьма довольна. На мои вопросы отвечает вежливо, но сдержанно. Он закончил университет в Цюрихе (в Лихтенштейне высших учебных заведений нет). Может устроиться на приличную работу в Шенцендрии, но решил вернуться в родной Лихтенштейн.

—Дел здесь хватает. И дела процветают. Многие швейцарцы сами приезжают к нам работать. Чем в княжестве! Всево производится делька. Конкретнее! Секретарская работа... Состою ли я членом административного совета иностранной фирмы! Это десали. Главное, что зарплата вполне сносно... Моя мечта! Выблится в люди. Конкретнее! Основать собственный бюрост. Это — дело новое и очень перспективное... Ну да, в смысле прибыльное.

—Я покинул Лихтенштейн с некоторым грустью. Рассставаясь с экзотическим представлением, детства всегда моего лучшего друга. Сказочная нарлявская страна оказалась обыкновенным «деловым раем», где сама мечта предстает в виде круглой дыры со многими нулями.

значительно превышают сумму выплачиваемого ею налога (1 процент с вложенного капитала). Иначе для чего основывать свое представительство в эвонжеской княжестве.

Правда, имеется еще одно условие для создания «домашнего предприятия»: в его административный совет должен непременно входить житель Лихтенштейна.

Лихтенштейнцы к этому привыкли. И, скажем, какой-нибудь булочник из Вадуца охотно не упрится, если представить, какой-нибудь всемирно известной фирмы обратиться к нему с просьбой занять кресло в ее административном совете. Но и представителю фирмы не следует думать, если он узнает, что его булочник уже состоит членом административных советов еще пары-тройки других корпораций. Абсолютно не ведаю, чем они

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ИЗБРАНИЕ САМОГО ЛУЧШЕГО МАСТЕРА
2. ЖЕРТВА РЕПРЕССИЙ — МОЛОДЕЖЬ
3. СТУДЕНТЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ
4. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВОЕТ ВМЕСТЕ С ВОЛКАМИ
5. СТАРЕЙШЕЕ НА КОНТИНЕНТЕ
6. ЗАСУХА В АФРИКЕ
7. БАСТУЕТ «ЛИП»
8. 122 ДНЯ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ
9. БУДЕТ ЛИ ДОЖДЬ? СПРОСИТЕ ЖАБУ...
10. ПЕРВАЯ В ЕГИПТЕ
- II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

1.

По инициативе польского Союза социалистической молодежи ежегодно на всех промышленных предприятиях страны проводится необычный публицит — выбор самого лучшего мастера. Молодые люди оценивают способность мастера передавать свой опыт, чуткий подход к молодым подчиненным, его справедливость и даже чувство юмора.

От человеческих качеств мастера зависит, какими будут молодые люди, которых он притягивает к себе в жизнь. Личность мастера является решающим фактором в формировании у молодежи отношения к труду и в не малой мере в формировании мировоззрения. Самое высокое мнение складывается у молодежи о мастерах, которые не только являются высококвалифицированными специалистами, но и с уважением относятся к своим ученикам, умеют понять их и помочь в трудную минуту. Результаты публицита, собственно, ежегодно подтверждают старую истину: большинство своих «идеологов» молодые люди выбирают среди старших, опытных людей, отличающихся высоким чувством справедливости.

Партийные и государственные органы Польши придают большое значение публициту молодых рабочих. Ежегодно в Варшаву приглашают тех, кому молодежь присудила звание наилучших мастеров, чтобы выразить им благодарность за работу и особенно за то, что собственным примером формируют они молодой, подлинно социалистический польский рабочий класс.

«ЖИВОТ», ЧССР

2.

«Права о Португалии» — написано крупными буквами на транспаранте, вывешенном в парижском рабочем предместье Пантен. Здесь в начале декабря 1973 года французский комитет «За демократические свободы и амнистию в Португалии» представил португальские документы о репрессиях и пытках, которым подвергаются патриоты в государстве Казанто.

Около 200 политических заключенных содержались тогда в Португалии в одиночных камерах, полностью изолированные от внешнего мира. Восемнадцатилетнюю студентку Терезу Диас Козло, дочь убитого в 1961 году Жозе Диас Козло, в течение 14 дней мучили лишениями, сив. К студенту сельскохозяйственного института Хоао Педру Сильве трижды на протяжении четырех дней применяли метод пыток «статуэ» — жертву лишают малейшего движения. Португальские палачи использовали также так называемые «психологические методы», например, владели запись криков детей или жены заключенного, призванных на помощь. Жертвы этих пыток часто вынуждены всю дальнейшую

жизнь проводить в невропатологических больницах.

Пытки режима Казанто особенно усердствовали в преследовании членов коммунистической партии, несколько десятителей действовавшей в условиях глубокого подполья. Члены товарищеского центрального комитета КПП провели в тюрьмах в общей сложности 250 лет.

«ХОРИЦОНТ», ГДР

3.

«Чтобы оценить происходящее, нужно увидеть, насколько по душе и покормы были обычно здесь студенты, — рассказывает ташландец средних лет. — До своего недавнего времени единственным случаем, когда студент решался поговорить с преподавателем, было желание получить разрешение пойти принять ванну».

Все это, однако, теперь в прошлом. Сегодня ташландские студенты — взыскательная, хотя и неустойчивая по своим политическим взглядам, сила в стране. Напомним, что все началось в октябре 1973 года, когда около полудизна лодья явилась на улицах Бангкока, и эта грандиозная демонстрация привела к падению военного правительств.

Переворот показал силу студенчества, заставившего премьера Танама Киттиачона и его заместителя генерала Пралато Чаруастана поспешно покинуть свои чредоны и бежать из страны. Октябрьские события коллективом о новой роли, которую начали ныне играть столь кроткие прежде ташландские студенты и рабочие, пытающиеся сейчас преобразить их королевство в современную конституционную монархию.

Но теперь студенты пошли в своих требованиях дальше. В частности, они решили выйти из аудиторий на улицы, чтобы встретить премьер-министра Ллоши, совершающего поездку по

странам Юго-Восточной Азии, и выразить свои мнения по поводу того, что ташландские студенты называют «несправедливой торговой политикой» и «экономической империализмом».

«НЬОСУИК», США

4.

Через запрошенный снегом лес пробирается воющая стая. Вперед волков идет мужчина, издающий звуки, не отличающиеся от вою сопереживающих его хищников. Когда мужчина останавливается, останавливаются и волки. Вот он падает на колени в снег, волки набрасываются на него. Звук неожиданно, по сигналу мужчины, волки оставляют его, он поднимается с землей и улаживает.

Человек, который воет по-волчьи, — шведский зоолог Эрик Цимен. Волки совершили нападение на него в лесу, области Неймюнстера (ФРГ). Засты, в лесничестве Рикланд, тридцатилетний швед, и его жена Дагмар живут уже несколько лет вместе со своими семью волками.

«Вначале люди в ближайшем поселке были испуганы моим намерением подобным способом изучать жизнь волков, — говорит ученый. — Со временем они, однако, изменили свое мнение и обо мне и о моих зверях, а затем даже стали позволять своим детям приближаться к волкам. Они поняли то, что я утверждал все время: сытые волки очень трусливы и избегают людей, а тем более столкновений с ними».

Еще будучи студентом ветеринарного института в Киле, Эрик Цимен приобрел в зоопарках совсем молодых волчат и забоял выхриком их. Не удивительно, что волки, избрав его «вождом стаи», позволяют запрягать себя в санки, выполняют его приказы и возвращаются по малейшему зову, если хозяин отпускает их свободно побегать по лесу.

«АРЕНА», ФРЮ

5.

Венгерское, точнее будапештское метро — «фёдадлатта», как называют его — старейшее в континентальной Европе. Старше его только лондонская «тыбю» и нью-йоркская «скайби». Подземная железная дорога в Будапеште была проложена в мае 1896 года.

Тогда будапештяне, никогда не отличавшиеся консерватизмом и боязливостью, выставляли в очередях, чтобы приобрести подушкой. И уже через несколько месяцев работа «фёдадлатта» был зафиксирован полномасштабный пассажир. По всем этим причинам будапештяне получили свой старинный метрополитен. Но им пришлось поголода обиться без своего старого друга. Почему? Будапештские строки преподнесли подарок столичным жителям — «маленькое метро». Так называется старое «фёдадлатта», переоборудованное и модернизированное в функционирующее одновременно с новым, современным метрополитеном.

«НЕК ДАЛЬ», ВЕНГРИЯ

6.

«Катастрофа недавних масштабов» — так единодушно охарактеризовала мировая печать засуху, поразившую огромную территорию африканского континента. Особенно пострадали от стихийного бедствия Сенегал, Мавритания, Судан, Эфиопия. Везде погибли тысячи овец, и тысячи животных погибли от голода и жажды. Даже помощь, пришедшая из многих стран мира, ненамного улучшила положение, сложившееся в ряде стран Африки. Лишь когда наконец пошел дождь, последствия засухи начали понемногу преодолевать.

«ВИНЕ НУОВЕ-ДЖОРНИ», ИТАЛИЯ

7.

Десять месяцев рабочие часового завода «ЛНП» в Виланове не могли оставаться вместе, решительно выступили против планов свертывания производства.

В девять утра — общее профсоюзное собрание. Здесь рабочие — снова среди своих товарищей — обрание обычно велел Шарль Пье — душа «ЛНП». Вначале он читает все, что появилось в прессе о заводе. Потом переходит к комментариям. Остроумно критикует тех, кто хочет покончить с «ЛНП». В конце собрания рабочие договариваются о порядке проведения демонстрации в городе, перед постоянно охраняемым полицией пустым заводом.

Всем все рабочие собираются на обед в крепости Вилан. Здесь их общая столовая, которой руководит один из инструкторов сопротивления. Мерсье — тип таковой чавашки, как и другие, — акусно Обед становится процветает. Едят и стоя, и сидя, и в виде демонстраций, выловом. Это что-то новое, вид содружества, выдерживающего осадку внешнего мира.

После обеда до вечера — постоянное дежурство в Доме молодежи в квартале Кант. Здесь штаб рабочих. Именно оттуда Шарль Пье и другие делегаты направляются в Париж — с профсоюзными федерациями, предпринимателями, политиками. Точно они раздвигаются по стране рассказывая о борьбе рабочих «ЛНП».

Рабочие «ЛНП» поедания. Промышленники на заводе возобновили.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

8.

Как много молодые люди, Манфред Лёр на Гейдлоуа (ФРГ) очень любил путешествовать. После за свон 22 года поехать США и Индию, он, взяв с собой стальной мешок и 50 долларов, направился на восток по новым приключениям, которые на этот раз едва не закончились трагически в мае 1973 года Лёр, находившийся в это время на борту небольшого катера «Лорелея», поспорил с капитаном, и тот высадил его на берег Острова Кокосов, безлюдного острова в южной части Тихого океана. Снабженный только ножом, спичками, небольшим количеством пищи и несколькими банками консервов, молодой путешественник был вынужден прожить на этом острове 122 дня.

В течение первых дней своей Robinsoni Лёр съел рис и консервы и начал пытаться построить жилища в растущих на острове деревьях. Он построил себе шалаш, который защищал его от бурь. Спустя три недели у берегов острова остановилась небольшая рыбачья лодка с тремя американцами на борту, однако капитан не согласился выпустить Лёра. Через пять недель Лёр удалось поймать рыбу. Но еще неделю, чем он ловил рыбу, столько до долелей, не переправившись ни на сушу, и ни на какой-либо остров. Развести огонь. Обедая Лёр превратился в лохмотья; бродя с ногами в воде, он вступил в контакт с другими самьями, обитающими на острове. Лёр, везя веревки, представлял собой зрелище.

Через неделю пребывания на острове Лёр перебрался на его противоположный берег в надежде увидеть людей. Через несколько часов катант «Лорелея» и его жена подплыли к берегу. При их появлении Лёр упал на колени и умолял их дать ему еду, говоря, что умирает от голоду. Но они крикнули ему капитан, — раньше оноле-е.

Спустя 8 недель и с помощью подруги Лёр перебрался на остров с другой парой. Супруги, однако, отказались взять его с собой, согласившись лишь передать в континент письмо, написанное Лёром матери.

Через 13 недель появляется яхта «Итайло» с шестью людьми на борту. Лёр перебрался от них вместе с яхтой, счастьем. Они обещают забрать его с этого проклятого ост-

рова, но только после согласования с властями на континенте. Через несколько дней они возвращаются, сообщая, что власти не разрешили им забрать его, зато за него должны прибыть ностра-инский мат.

Проходят еще две недели, но власти Коста-Рики не присылают своих представителей. И наконец — несчастный случай: прибрежные некоторые виды морских фауны. Динот Импер, капитан судна, забывает Лёра на борту и 31 августа высматривает его в Балбоа.

«ДОЮЛА СВАТА», ПНР

9.

Едва ли можно утверждать, что жабы относятся к числу самых любимых животных, однако много лет назад, в средние века, их денная весьма высоко. Из них делали лекарства и лечебные ванны, в больших количествах яды клали жабу в свои постельки. Становилось, что такое соседство излечивает от лихорадки.

Между прочим, жабы — чрезвычайно полезные существа, и тот, у кого в саду завелась не сколько жаб, может считать себя счастливым. И даже в теплых регионах рекомендуется иметь этих животных, ибо они уничтожают гусениц, мотыльков, комаров, мух.

Хотя эти существа предпочитают сырость, их часто можно обнаружить и в пустыне, где они отгадывают громадными размерами. В засушливых холмистых районах Австралии у местных жителей существовало весьма необычное средство защиты воду для питья. Они распыляют жабу, прыгнувшую в расщелину. Сжав животное, выдвигают из него воду, скапливавшуюся в желудке, и выпивают, чтобы наполнить чистую чашку.

У жаб чувствительная кожа, и потому они хорошо «предсказывают погоду». Этого жабу помогают в стеклянной чашке, и внутри которого ставят минипортную лестницу. Перед сухой погодой жаба спускается в воду. Если же собирается дождь, она поднимается по лестнице вверх.

«УИНКЕНД», АНГИЯ

10.

Техническая школа Джубра, расположенная в северной части Каира, отметила трехлетие своего существования. Это первое в Египте заведение такого рода. Его директор Мустафа Селем, сам директор преподаватель и учащихся, поблагодарил и группу инспекторов на ГДР, помогших ста-

новлению колледжа, немало сделавших для политехнического воспитания слушателей.

«Мануэль» — принцип обучения здесь — тесная связь теории и практики. У школы хорошие контакты с промышленными предприятиями, особенно со сталелитейным заводом Хелуаха. Более 300 студентов проводят там в этом году летнюю практику. В учебную программу включен «производственный день», в котором теоретические знания приобретены во время занятий в аудиториях, студенты проверяют на практике и усваивают их более глубоко.

Внушительно выглядит и школа подготовки 300 специалистов, но сейчас еще вынужден 1200 человек. Арабская Республика Египет получает отлично подготовленные средние технические кадры.

«ИМАК», АРЕ

11.

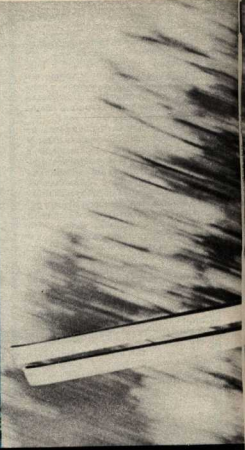
Сотни молодых людей со всех концов страны, полные энтузиазма, приняли участие в торжественном акте, посвященном официальному созданию педагогов «Мануэль Аскусне Домениче». Названного так в честь юноши, активного участника ликвидации неграмотности, и погибшего от рук контрреволюционеров. «Начать преподавателей в средних школах создает сейчас определенные трудности, а с 1974 по 1976 год потребность в преподавателях вырастет до 10 тысяч. Решение этой проблемы, как указал Фидель Кастро, заключается в привлечении к преподаванию учащихся десятого класса. Вот так и возник педагогический отряд «Мануэль Аскусне Домениче», который будет трудиться в провинции Пинар-дель-Рио. Как подчеркнул Роберто Родригес Аруфе, член Исполнительного Бюро Союза Молодых коммунистов Кубы, на этот отряд вошли молодые революционеры, обладающие историческим предельным опытом участия в одном из наиболее значительных событий нашего революционного процесса; эти молодые люди стали частью отряда в преобразовании процесса обучения в школах, в осуществлении революции в системе образования.

Педагогический отряд «Мануэль Аскусне Домениче» с самого начала создания принял на себя большую ответственность. Его члены идут в авангард молодежи. Они достойные наследники поколения молодых осуществителей штурма Монкады, триумф революции и начало строительства нового общества и нового человека.

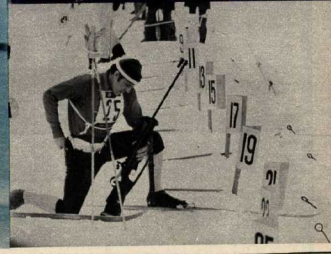
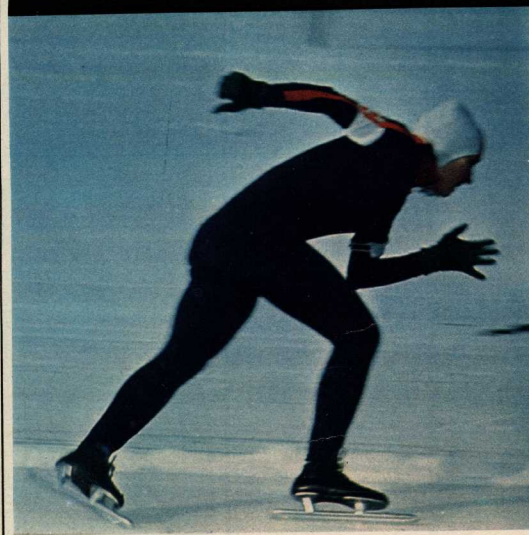
«БОЭМИА», КУБА

DEPARTAMENTO PEDAGOGICO MANUEL ASCUNCE DOMENECH

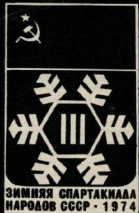
ВОЗВРАЩЕНИЕ

В МАРТ

Василий ЖИЛЬЦОВ

Эти фотографии сделаны Анатолием Бочининым и Владимиром Чейшвили в Свердловске и Бакуриани — на финальных соревнованиях III зимней Spartakiady народов СССР.

А впереди новые старты — начинается свой разбег VI летняя Spartakiada, посвященная 30-летию Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне.

Иные читатели, конечно же, удивятся: с чего это вдруг в разгар мая, развоплозовавшего души славабодных, злого футбольных мячей, возвращаться в зиму, к лыжам, конькам и треску морозной амуниции, надежно заправленной до лучших времен в кладовки! И в самом деле, стоит ли перебирать в ладнях прошлогодний снег!

Давать вспомним, хотя бы и кратко, наиболее памятные события прошедшей зимы. Впервые чемпионат Европы по конькам среди мужчин проходил на искусственном льноконькокатке в Медве. Впервые чемпионат мира по биатлону состоялся на но-вобоньком, с иголочки, комплексе в

отбрасываю недокуренную сигарету и тут же зажигаю новую. Но тут горю от никотины сердце свертывается коротким спазмом... Значит, и сейф! Это плохо; так скверно, что хуже и не придумаешь. Выходит, документ лежит там и ждет, когда его прочтут. Три плотных тома. Смертный приговор Варбургу и мне. Можно будет, конечно, какое-то время потянуть, поостаться со следователями в здании уловок, но все равно придет час, когда они выйдут из Варбурга правду и Одисей спустится в последнее в своей жизни плавание.

Я подобрал с полу окурки и, загасив его, прыгнул в карман. Разбрасываться табачком — выходящая глупость в моем положении. Вряд ли на Принц-Альбрехтштрассе я попаду к аллюстри, который станет сбавлять meine курвом. Руки Цоллера, сто, сейф. Возвращаю к нему Цоллер сложил бумаги четверо. Случайность? Агентурные документы после регистрации опадают в доску. В папку. Их спускают аккуратно, ровной стопочкой. Буад Цоллер вничком, он мог бы забыть об этом и согнуть листы по небрежности... Вспомню. Значит ли это, что советник после ухода Одисея извлек бумаги из сейфа и переложил в карман?.. А ну, спокойнее. Одисей! Между догадкой и выводом из фактов дистанция больше, чем от земли до луны. Кроме того, догадка может быть ошибочной, примерно ведущей к провалу, тогда как вывод спасает от него. Сложный четверо документ — сам по себе еще не основание для умозаключения. Просто факт. Однако мотива, руководящие Цоллером в деле Варбурга, придает фактам особую окраску... Карьера... Дело Варбурга означало для советника прыжок по служебной лестнице. Начальству Цоллер о разработке не докладывал, зная, что в РСХА дело приберут к рукам, оставив на его долю в лучшем случае благодарность за служебное рвение. Следовательно, не было смысла держать бумаги Одисея в сейфе отделения гестапо. Любая инспекция проверки, ревизия, просто случай превращают их в улики, свидетельствующие, что советник вел расследование на собственноручный страх и риск... Игак, он сверху их вчетверо и спрятал в сейф, дабы Одисей узнал, что документы лежат где угодно и в будущем не уклонится от сотрудничества... Цоллер обязан был извлечь их после моего ухода. Ради карьеры. Ради себя самого.

Одно комнаты выходит во двор. Оно под самым потоком, и я не могу выгладеть. Не скажу, чтобы я обожал пейзажи, открывающиеся в берлинских дворах, но все-таки они приятнее, чем интерьеры квартир: железные двери, скамейки, лампы, в эмальированном колпаке того типа, который чаще всего встречается в общественных туалетах. А что если подпрыгнуть и поднатянуться на руках? Стоит ли?

Лезь засова каменит предела колебаниям Одисея.

— Фрэнц Деман! Пождетте.
Я прычу в карман еще один окурки и иду на второй этаж, где попадаю в кабинет, расположенный за дверью в дверь против комнаты советника. Здесь уловок: унтерштурмфюрер, бывший утром в кинотеатре, в гестаповской форме, в котором я узнаю дежурного, недели две назад проважашшего меня вниз, в оранжевые апартаменты.

— Садитесь, Леман. Вы знакомы с советником Цоллером?

— Не так, чтобы очень...

— Не притворяйтесь. Шарфюрер, освежи его память.

Дежурный, припнувшись, улыбается.

— Все в порядке, унтерштурмфюрер. Вы не думайте, я парню головой и соображает, где молчать, а где не нужно. Верно, Деман? Вот видите, что я говорил! Он добрый немец, и советник Цоллер так и сказал мне о нем: запомни этого парня, у него острый глаз и неплохая закуска, даром что он из Зальца; если он когда-нибудь придет сюда, проводи его ко мне немедленно... Советник, как видите, был и тебе высокого мнения, Леман!

— Блэу... Руд и Леман встретились. Я напустила на себя важный вид и кивнула. Говорю:

— Оно так, конечно, но господи советник специально предупредждал, чтобы я помакивала. Не знаю, как уж и быть!

Унтерштурмфюрер поспешно смотрит на меня. — Простодушно, Леман. Ты действительно гад молчать с головой, и я рад, что советник в тебе не ошибся. Сейчас его вет с нами, но он поручил мне поговорить с тобой. Надеюсь, ты не против? Ты можешь очень помочь нам.

— Ну, если так...

— Именно так. Советник поручил тебе присматривать за паря Арандом! Верно? Ты что-нибудь знаешь?

— Что-нибудь необычное... вставляет дежурный.

— Еще бы! — говорю я и устремляю на унтерштурмфюрера прямой взгляд. — Господи фон Арнд ласко вел себя. Прямо уютноительно. Он лудно выдал на вы и делал это открыто...

— Что? Это?!

— Да с секретаршей! — твердо говорю я. — С фрейлейн Анной... Она, конечно, не замужем, да и господи Арнд впряме полюбившись, но только не в открытую, не так, чтобы подчиненные хихикали и вели судьи-пересуды.

Унтерштурмфюрер бесцельно перекатывает по столу карандаш. Пытается поставить его на острие, а я выладоваю за ним, и набор воздуха в легкие выладоваю.

— Они их любования!

Грубая тишина служит ответом на заключение, выделенное доверенным лицом советника Цоллера. Унтерштурмфюрер роляет карандаш. Говорит бесцельно и тихо:

— Это все?

— Да, унтерштурмфюрер!

— Хорошо, — вмешивается дежурный. — Где вы были в последние дни, Леман? Когда были в кинотеатре? Унтерштурмфюрер поднимает карандаш. Леман его вырывает усталостью и скуку.

— Это все известно, шарфюрер. Деман Леман Арнда видеть не мог... Ладно, Леман. Сейчас я отпущу вас, а вы постарайтесь позавтракать, о чем вас спрашивали.

«Днем». Имеющийся уни да смилит! Руд убал Цоллера днем. Позавтрака. Если фон Арнда уластса доказать, что он не пожедал конторы, то у него будет железное алиби... Ладно, поживем — увидим.

Мокрый, как мышь, я выбираюся на улицу и устремляюсь прочь от гестапо. Время идет к полудню, а мне петербуржцы больше часа, чтобы совершить вояж по Берлину: метро, автобус, трамвай, опять метро, и лишь тогда я могу позволить себе изловчиться на Берлинштрассе и спросить того, кто пообещал, ехать из-за мной.

В метро, отделившись от «людей» (если они есть), я немного расслабляюсь и думаю о чем угодно, но не о Цоллере или Варбурге. Я меняю вагоны. Деман пересаживает и вспоминаю одну девушку... Я, вам кажется, рассказывал о ней? Дело было так: мы познакомились в электричке, и я назначил ей свидание. Под часами... Помните, мне она понравилась, и я очень готовился к встрече. Делю новую пластину, восточный Синий, в косую дорожку полосу. Странно модный гастрок... Только все зря. Утром меня вызвали, а и уехал, но сорисе не предугадать... Если все кончится благополучно, я раздушу эту девушку и обязательно извинюсь. Какое у нее телефон?

На Котбuser-Tor, где скрещиваются две линии, я делаю последнюю передачу и, доехав до Моритцштрассе, звоню Варбургу.

— Вы едете домой?

— Нет, я обещаю в ресторане.

В микрофон доносится тяжелое дыхание Варбурга.

— И приходите без Рудя! — жестко говорю я и клауа трубку.

До обидки с фемби я добираться пешком. Последняя стралка на случай, если «люди» умудрятся не стралкнуться раннее. Убеждаюсь, что все в порядке, и поднимаюсь по лестнице и только ногой незаметно дверь. Не раздеваясь, прохожу по коридору.

— Что случилось?

Варбург стоит посреди комнаты и ждет ответа. Я раздвигаю занавеску, снимаю пальто. Перебрасываю через спинку стула и сажусь. Мне жаль расставаться с девушкой, оставляя ее одну под часами, но что поделать, дама не терпит, и мысленно добавляю: «до скорого», — и отвечаю Варбургу вопросом на вопрос.

— Где документы Цоллера? Три анстка, где они? Вы поняли, о чем идет речь?

— У меня. Руд...

— Знаю. Положите бумагу на стол и давайте поговорим. И не надо распространять меня взглядом. И не расползаежте к шпикровке.

Я тоже, — тихо говорит Варбург.

Он внимательно держится. Шею гладою выбирит. Ворочается и мыкает глаза. На брочках железно прямая стралка. Только на нее дергается жила; если С не она, легко было бы ошибиться и вообразить, что Варбург волнуется не больше, чем при свидании с любимой сардэ.

— Вы интересовались фон Арндом? — говорит Варбург и кладет на стол конверт. — Я собрал, что оно. Это было трудно, очень трудно, Одисей. Кстати, возьмите свои бумаги. Цоллер носил их при себе... Так вот, о фон Арнде. Что вам надо о нем?

— Промисжожение, связи, политические взгляды.

— Семья?

— Семья, и начну с семьи. Отец — довольно странная личность. В мае пятнадцатого кайзер вручил ему Рыцарский крест и пожаловал дворянство, а три года спустя, в своем коше войну, Гинденбург расширялся арестовать его за поразительные взгляды. Деман слышал о военном пленовому суду, но в суду руда прича...

— Революция? — уточняю я любозным тоном. — Он жив?

— Умер в двадцать седьмом от скоростной машины. Уставив двоих детей — Гассе и вшего Любима. О Гассе вы знаете, он расстрелян по делу 20 июля, а ваш Фридрих...

— Он не мер.

— Вы не много любодаетесь, Одисей, если будете меня перебивать... Так вот, Фридрих фон Арнд, как вы и сами знаете, проверается гестапо.

Рисунок Геннадия НОВОНИМЛОВА

В основном Цоллером. И не только из-за Гиссе, но и в связи с другим братом — доктором — немцем Куальбахом, бывшим до тридцати третьего депутатом ландтага Вюртемберг-Баден по левому списку. Насколько я выяснил, есть данные, что Куальбах своевременно эмигрировал и через Вону и Прагу попал в Москву. Словом, Фридрих фон Арида — темная лошадка; вы зря намереваетесь ставить на него.

Я несправедливо качая головой, не говоря ни да, ни нет. Чем меньше Варбург будет догадываться о моих планах, относящихся к фон Ариду, тем больше выиграет дело.

— Хорошо... А теперь о связях.

— Здесь я вас разочарую. Среди его знакомых нет никого, кто вам подойдет. Школьные учителя, один инженер, швейцарцы, узенький кружок лиц, не располагающих информацией. Советильное происхождение и «красное» родство с Куальбахом закрывает Ариду вход в приличные дома. Больше всего, по-моему, от этого страдает его дочь Эмма, которой хотелось бы быть графиней.

— Чем она занимается?

— Гувернантка в семье чиновника из ведомства рейхсминистра Шнеера. Вот его, пожалуй, стоит завязать. Хороша собой и, помимо прочего, намерена в курсе того, что говорится чиновником за домашним столом.

Любопытно: Варбург настолько привыкшился к новой роли, что уже дает мне советы, где и как собирать информацию. Для СС-бригадефюрера, право, неплохо!.. Я прикрываю ладонью глаза, боясь, что Варбург прочтет в них мои мысли... Чи-

новником, может, и стоит заняться; однако в первую голову мне нужен сам Фридрих фон Арида и люди, близкие ему. Предупреждение удачно охватывает меня, но я не даю ему услышать, вымывая, словно унит водю, ледяные доводы рассудка. «Не слыши, Одиссей! Кружок недобрых не подпольная организация... Будь осторожен!»

— Вы правы, — говорю я равнодушно. — Фрейлейн Эмма стоит того, чтобы поразмыслить. Но я перебиваю вас. Извините...

Варбург достает платок и вытирает лоб.

— В сущности, все Гестапо не имеет против фон Арида ничего, кроме полозерий. СД не правится, что среди его знакомых нет ни одного члена партии, а инженер до тридцати третьего был социал-демократом. Поэтому Ариду посадили в контору одну девицу, довольно опытного агента. Фрейлейн Алина Грювер, вы не ошиблись.

— Это даю что-нибудь!

— Не дурака. Вряд ли он гулял бы на свободе, если Б Грювер собрала хоть что-нибудь стоящее.

— Пожалуй, — говорю я и придвигаю к себе конверт. — Ладно, забудем и об этом; вы правы: вряд ли фон Арида окажется полезнее... Скажите, Варбург, что за тип Макс Иалгнер из «И. Г. Фарбен»?

— Браво, Одиссей! Я был уверен, что вы не прогадаете мимо Иалгнера. Его бюро прикрывает наш филиал и связано с половинной стран мира.

— У него есть официальные представительства?

Я имею в виду легальные.

— Во всех нейтральных странах и доброй половине воюющих!

— Вот как!

Я постукиваю по колену ребром конверта. Но не он, не наследство, оставленное Цоллером, занимает меня. Мне нужно сформулировать некую просьбу и таким образом, чтобы бригадефюрер не догадался, куда же я все-таки клошю.

— У вас есть документы с подписью Иалгнера?

— Можно достать.

— А частные письма?

— Не проблема...

— Очень хорошо, — говорю я, словно раздумываю. — Попробуйте в самое ближайшее время достать все это и дескток фирменных бланков «Боро НВ-7» с фирменными же конвертами. Можете? Кроме того, мне понадобятся списки представительства и адреса.

Варбург прищуривается.

— Еще раз, брато, Одиссей! Вы делаете прекрасную посылку. Я помогу вам прибрать Иалгнера к рукам. Перед компрометирующей перепиской он не устоит.

— Ну вот и отличил!

После улодом я рассматриваю бумаги, найденные Рууду у Цоллера. Советник пересторожничал, некуда мне доноситься при себе. Он никому не доверял, предпочитая действовать в одиночку, и это в конечном счете ускорило его конец. Рууд и Цоллер. Один некогда убрал другого, забывши Немца от волеи... Нет, все-таки жаль! Честно говоря, я предпочел бы увидеть советника Цоллера в петле, накинутой на шею по приговору трибунала. Публичная смерть его была бы нравственнольным итогом для многих, для очень многих...

ПОДАРОК ХЕМИНГУЭЯ

сентября 1952 года, вскоре после того как в американском журнале «Лайф» появилась повесть «Старик и море», восторженно встречавшая критикой на Кубе, Высший совет Национального института по туризму принял решение награждать писателя почетной грамотой и памятной медалью.

В день вручения медали организаторы банкета подготовили писателю скрипку — дружескую карикатуру на Хемингуэя. Рисунком, однако, Хемингуэю не понравился. В какую-то минуту сложились настолько напряженная ситуация, что писатель готов был покинуть клуб Наутико Интернациональ, где намечалась его чествование.

Обстановку разрядил кубинский художник Хуан Давид, который пришел на банкет со специальным поручением от главного редактора ведущего журнала Кубы «Возмиза». Давиду следовало похвалить у Хемингуэя согласие на перевод повести «Старик и море».

Вот что рассказал мне позднее Хуан Давид:

«Мы шли мы подошли к стойке бара, куда меня увлек Хемингуэй, — чувствовалось, он с радостью ухватился за возможность поговорить о чем-то другом, что не было связано с карикатурой, — писатель тут же спросил:

— Ты сам как думаешь, Кеведо (Кеведо Мингел Анхель — бывший редактор, он же издатель «Возмиза», кубинского журнала «Возмиза») хочет заработать на мне или считает вещь достойной!

«Вы знаете, Хемингуэй, тиражи «Лайфа» росли в течение двух суток. Конечно, для «Возмиза» это хорошая реклама. Но ведь журнал наш продается и в других странах Латинской Америки...»

«Да, но и повесть «стоит» в ряду лучших произведений Хемингуэя, «Старик и море» обладает теми же качествами — лаконизм, искренняя сила чувства, рубленый, но живой диалог, прямое обращение к фактам, которые в его наиболее выдающихся произведениях называли ассоциацией читателей всего мира», — Хемингуэй на своем ломаном испанском языке совершенно точно воспроизвел две фразы из статьи литературного критика Салавадора Буно, которая была опубликована в журнале «Картелес». Перед тем как я отправился на встречу с Хемингуэем, главный редактор заставил меня процитировать эту статью, и поэтому мне нетрудно было вспомнить, что это именно оттуда. А писатель продолжал цитировать: — «Новелла «Старик и море» стала международным трудом, оно породило во многих людях мира желание посетить нашу страну, Куба обязана благодарить писателя Эрнеста Хемингуэя за его любовь к нашим обычаям, нашей жизни, нашим рыбкам, любви», которая произвела на свет повесть «Старик и море».

«Я думаю, Хемингуэй, назначайте сумму, и делу конец. Вы же сами знаете, что вещь получается. И довольно. Только помните Кеведо, скажите, что «мы» не сможем заплатить, как «Лайф». (За право публикации повести писатель получил 30 тысяч американских долларов. Было подсчитано, что в повести 27 тысяч слов. Критики считают, что в американской литературе «Старик и море» — наиболее высоко оплаченное произведение, которое должно было бы стоить столько же.)

Писатель на мгновение задумался, на лице его появились лукавая улыбка, и он, намеренно растягивая слова, произнес:

«Хорошо! Мои условия — лучший переводчик, но кубинец и три тысячи песо. На них журнал купит телевизоры для гаванского лепрозория.

ЭТИ ФОТОГРАФИИ ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ. Вверху — ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ И КУБИНСКИЙ ХУДОЖНИК ХУАН ДАВИД.

ЭТОТ ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ ПИСАТЕЛЮ НЕ ПОНРАВИЛСЯ.

Перевод я должен завизировать. Если подходит, позвоните. Я проконсультируюсь с адвокатом, и мы подпишем договор...»

Лицо Хемингуэя помрачнело. К стойке подошли Масгер, автор злополучной карикатуры. Я хорошо знал немолодого писателя и карикатуристам. Случай, который произошел однажды, хорошо мне запомнился. Мы с друзьями поехали в город и в портовом ресторане «Самплетер» постреляли Хемингуэя с его женой. В ресторане находился Понсиано — талантливый негр, композитор и хороший художник. Тогда он за-

бавлял на жизнь тем, что рисовал в общем-то удачные карикатуры на посетителей ресторана, которые тут же и продавал им за гроши.

Понсиано принял было за мой портрет. Я поздалов его и сказал, что не стану тратить ни сентаво, а вот, мол, известный американский писатель Хемингуэй — он тебе может хорошо заплатить. Понсиано быстро на небольшом листе ватмана нарисовал писателя за столиком и подошел к Хемингуэю со словами:

— От скромного Понсиано великому Хемингуэю.

Тот бросил быстрый взгляд на порт-

рет, молниеносным движением руки выхватил лист и разорвал на части.

«Не уходишь! — И Хемингуэй громко выругался по-испански.

«Мне стало обидно за Понсиано и за себя, и я уже хотел было подняться, чтобы заступиться, но меня вовремя остановили.

Понсиано, низко опустив голову, стоял у столика.

— У меня не было счастья вашего сына, учиться, — вдруг сказал он негромко и направился к выходу.

— Я вообще не люблю мажил. Брось это — я помогу тебе, — произнес ему всад Хемингуэй.

Понсиано остановился у дверей.

— А вы можете бросить писатель? Скажет это, а в ресторане не дожидаясь ответа, я, восторженно водворяясь изловлять и сообщая, что Понсиано там нет. Тогда писатель достал из бумажника купюры достоинством в десять песо и вручил ее официанту.

— Но это слишком много, сеньор Хемингуэй.

— Ничего, ничего, передайте...

Когда же Хемингуэй взял почетную грамоту и медаль на Банкете в клубе Наутико, мне запомнились воедино штрихи характера американского писателя.

Приветственную речь произнес генеральный директор Института по туризму. Он закончил ее почти по тексту словам из статьи Буно, опубликованной в «Картелес». Хемингуэй не сдержал себя и в обе щеки улыбнулся.

«Я знал наверное причину, но все же потом спросил об этом Хемингуэй, и тот ответил:

— Я думал, что только писатели сдарают друг у друга. Оказывается, и политик тоже.

О том, как закончилась история с телевизорами для лепрозория, автору этих строк стало известно из рассказов того же Хуана Давида и Рене Вильяррава, которые были свидетелями разговора, состоявшегося между Кеведо и Хемингуэем — один на одном конце провода (в кабинете главного редактора журнала), другой — на другом конце (на кухне «Ла Визки, где у Хемингуэя на стене висел старинный, дальнопный телефонный аппарат).

— Дон Эрнесто, как вы себя чувствуете! Как здоровье вашей супруги! Рассказывают, что у вас уже больше пятнадцати шоков.

— Вы что, считаете мою сумму высокой!

— Откровенно говоря, да!

— С этого бы и начинали. Но я ведь не для себя прошу.

— Понимаю, мистер Хемингуэй. Но мне ведь все равно, кому идет денгиз. Помните, они уходят из моего кармана. К тому же еще предстоит расплатиться с переводчиком...»

В архиве музея в Сан-Франсиско-де-Паула до сих пор хранится подлинник контракта, подписанного Кеведо и Хемингуэем в январе 1953 года, по которому за право публикации повести в журнале «Возмиза» первый обустраивает выплатить гаванскому лепрозорью «Сан-Ласаро» одну тысячу песо.

Перевод, выполненный кубинским писателем, оказался превосходным. Хемингуэй остался доволен, и повесть «Старик и море» на испанском языке была опубликована в журнале «Возмиза» 15 марта 1953 года. Через два месяца, она появилась в стране родного испанского издания журнала «Лайф».

— Папа, — вспоминает Рене Вильярраваль, — долгое время не разрешал убирать испанский экземпляр «Лайфа» на полку в библиотеку, говоря всем, что приходил к нему в усадьбу, что его повесть лучше звучит на испанском, чем на английском языке...

Рисунок Леонида ТРИШКОВА

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

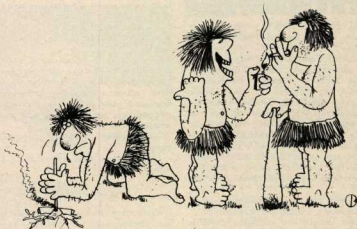

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

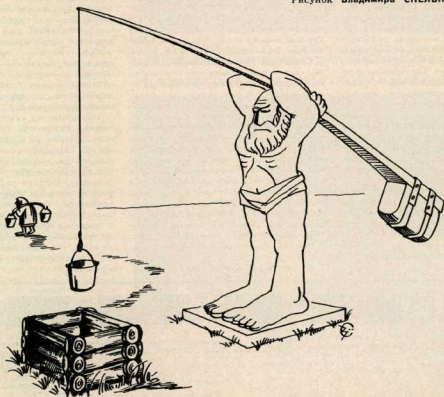
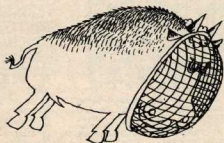

Рисунок Дмитрия МАЙСТРЕНКО

Рисунок Станислава АШМАРИНА

Рисунок Андрея НЕПРАСОВА

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 4/IV 1974 г. А 00779. Подписано и печати 24/IV 1974 г. Формат 70x100%.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150 000 экз. Изд. № 690. Заглав. № 2208.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125965, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВЗРОСЛЫЕ ДАЧЕРИ

Слова Николая ДОРИЗО

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

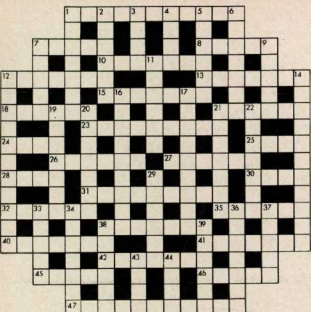
Дочери, дочери,
Взросле дочери,
Выросли вы незначай.
В детстве вам матери
Счастье пророчили,
Прочь отводили печаль.

Дочери, дочери,
Взросле дочери,
Выросли вы незначай.
После разлук и утрат.
Часто мужичны вас
Любят нестрогим.
В жены лишь строгих хотят.

Только бы не были
Вы одноким.
После разлук и утрат.
Часто мужичны вас
Любят нестрогим.
В жены лишь строгих хотят.

Дочери, дочери,
Взросле дочери,
Нежми мы вас, как детей.
Только бы жини вы,
Взросле дочери,
Лучше снов матери.
Дочери, дочери,
Взросле дочери,
Нежми мы вас, как детей.

Нас наша молодость
В годы военные
Долго ждала — ждалася.
Видко, поэтому
Очень нам хочется
Видеть счастливым вас.
Дочери, дочери,
Очень нам хочется
Видеть счастливым вас.

По горизонтали:

1. Миноризмиссер и сценарист, народный артист СССР.
7. Один из Больших Антильских островов.
8. Гора на Северном Кавказе.
10. Учитель леса для вырубленного городского транспорта.
12. Уборочная машина.
13. Советский писатель.
15. Вид городского транспорта.
18. Животное семейства енотовых.
21. Остров содружничия.
23. Стихотворение А. С. Пушкина.
24. Основная мелодия музыкального произведения.
25. Советский график, карикатурист.
26. Химический элемент.
27. Рельефное изображение.
28. Начало дня.
30. Путь между конечными пунктами маршрута, совершенного кораблем, самолетом.
31. Метеорологический прибор.
32. Одаренность.
35. Притон Енисея.
38. Испанский живописец, антифашист.
40. Лабораторная посуда.
41. Многолетнее травянистое растение.
42. Советский биатлонист, чемпион X и XI Великих Олимпиад.
45. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций.
46. Острова в Мюнхенских островах.
47. Массовые спортивные состязания.

По вертикали:

1. Город на севере Индии.
2. Минотавр, обитающий в Австралии.
3. Вид мебели.
4. Изобретатель газа Э. Жано воляльной камерной музыки.
6. Вид декоративно-прикладного искусства.
7. Переносной.
8. Представитель народности, живущий на Камчатке.
11. Героиня пьесы К. А. Треняева.
12. Садитель сооружений, машин, приборов.
14. Город в Московской области.
16. Малая планета.
17. Устройство, применяемое в радиотехнике, автоматах, теледиффузии.
19. Валерия, другая Ленинской премии.
20. Искусный гимнаст, артист цирка.
21. Объединение профессорско-преподавательского состава в вузах.
22. Примечание автора и тексту пьесы.
29. Помещение для овец и коз.
33. Ответствие в улье.
34. Цветок.
36. Роман А. Б. Чанковского.
37. Актриса, общественница в Африне.
38. Внутренняя репродукционная оболочка шины.
39. Австрия, основательница Всероссийского театрального общества.
43. Весенний месец.
44. Боевая машина.

Составил И. МИЛИН
г. Влагоевешенск-на-Ануре

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 9

По горизонтали:

4. Рефлексия.
7. Параллель.
10. Притон.
11. Дюма.
13. Араго.
15. Гаршин.
17. Арабеск.
19. Риска.
20. Актриса.
21. Антон.
22. Исаев.
24. Опарина.
26. Снег.
27. Алван.
28. Россия.
29. Рунин.
31. «Слава».
32. Герон.
33. Факультет.
35. Варануша.

По вертикали:

1. Тран.
2. Декларация.
3. Заб.
5. Фарда.
6. Свердлов.
8. Грани.
9. Немат.
12. Приставка.
14. Переносил.
16. Протоин.
17. Альфон.
18. Конопки.
23. Ваниль.
25. Республика.
26. Сисла.
29. Рабор.
30. Ягдташ.
33. Фим.
34. Тран.

СЕВЕР ЗОВЕТ...

ЗАПОЛЯРНЫЙ АВГУСТ.

СЕВЕРНЫЙ ЭТЮД.

БАБУШКА С ВУЧКОЙ.

В ДОРОГУ.

На одной из выставок произведений ленинградских художников экспонировалась небольшая, скромная картина.

— На вершине холма, покрытой узорами полярных мхов, раскрытый этюдник. Рядом палитра с красками, кисти, тюбик. В сырой дымке на горизонте — пик гор. Неплотиозательный соняг, неброский колорит, а сколько искреннего чувства! Называется картина «Северный этюд», ее автор — Анатолий Лобода.

С этим художником я впервые встретился восемь лет назад, в далекой Буланде, во время путешествия по Таймыру. И был он тогда не художником, а изумцем. Работал на горно-металлургическом комбинате в Норильске.

— Это не вы ли художник из Ленинграда?

Обратившись ко мне парень высокого роста, в ирризовых сапожниках и брезентовой куртке произвел изумительное впечатление. А в лице его было столько простодушия, синие глаза светились, так приветливо, что я невольно почувствовал и нему симпатию.

— У нас тут, на Севере, новости быстро разносятся... Не успел позна-

комиться с вами в Норильске и махнула сюда. Я тоже рисую и, как узнал, что художник и нам прислака, отпросился на работу — десять дней дали, — и и ваа. Очень хотелось поучиться малость. Возьмите меня с собой. Я весь Таймыр знаю — не пожалаете.

Он протянул руку и добавил: — Возут меня Анатолием, а фамилия Лобода.

Мы вместе ходили на этюды, и я восхищаясь сверхъестественной работоспособностью Анатолия. Даже в пути он умудрялся принести этюд.

Он очень хотел стать настоящим художником и, закончив вечернюю школу, приехал в Ленинград поступать в художественное училище имени В. А. Серова. Был принят. Закончил училище с отличием.

Влюбленный в Север, Анатолий Лобода и сегодня остается верен ему. Каждый год вместе с геологическими или ботаническими экспедициями путешествует по Чуколке, Таймыру, бывает на полярных островах. А Север щедро дарит художнику новые встречи, новые образы и новые темы...

Андрей ЯКОВЛЕВ